

СМЕНА

★ **ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ** ★

1925
№ 8

«ЯВГАДЪ МОЛОМ»

„СМЕНА“

Приложения к газетам:

- 1) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ“—орган Московского К-та РЛКСМ.
- 2) „НА СМЕНУ“—орган Уралбюро Центрального К-та РЛКСМ.
- 3) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ“—орган Центрального К-та ЛКСМУ.
- 4) „МОЛОДОЙ ШАХТЕР“—орган Донецкого Губкома ЛКСМУ.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.
Имя-во „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА
на 1925 год.

На 1 год—24 ном. 5 руб. 00 коп.

• 6 —12 3 — 75 "

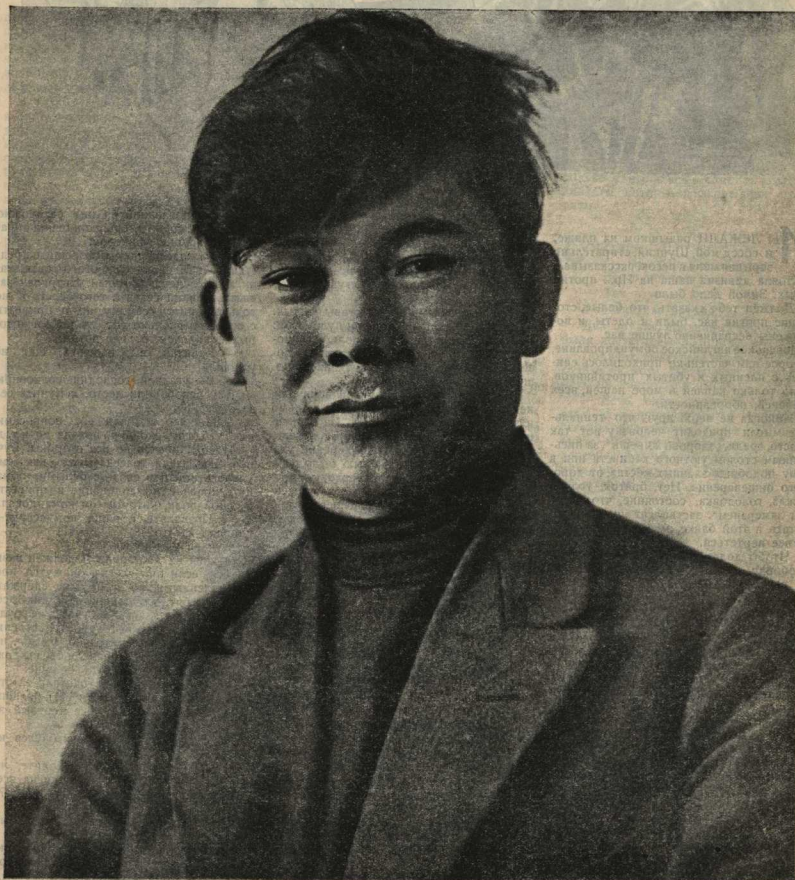
• 3 — 6 1 — 56 "

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

Москва, Новая Площадь, д. 6/7. Тел. 1-49-13.

Рукописи редакцией не возвращаются

К СМЕРТИ ТОВА ГАНИ МУРАТБАЕВА.

Тов. Гани МУРАТБАЕВ во время 6-го съезда РЛКСМ.

ПОДЛОТ

Рассказ КАРТАШЕВА, иллюстрации П. АФАНАСЬЕВА.

...Из отряда выделился человек и, махая белой рубашкой, пошел вперед...

МЫ ЛЕЖАЛИ рядышком на пляже, и сосед мой, Шуцкий, старательно зарывал меня в песок, рассказывая: Стояла дивизия наша на Ир... против белых. Зимой дело было.

Должен тебе сказать, что белые, стоявшие против нас, были и одеты, и вооружены несравненно лучше нас. Новенькое английское обмундирование, которое нам частенько приходилось снимать с пленных и убитых противников, было только каплей в море нашей, всех степеней, оборванности.

Никогда не верь, друг, что гениальные мысли приходят человеку вот так просто, среди, «здорово живешь», за письменным столом уютного кабинета или в тому подобных зланных местах, от хорошего пиццедарения. Нет, браток, только нужда, голодовка, состояние, что «вот вот замерзнем», заставляет шарик работать в этой банке, именуемой головой, живее вертеться.

Чтобы долго тебе не рассказывать, я оборву на этом свою беллетристику и всяческие суждения и перейду к рассказу.

ОЧЕНЬ ЭТО уныло, когда зимние сумерки клубятся над полем, где из-под снега торчат плечи обмерзшей земли, а самого снега тоже не так много и запырено он пылью. Ни чахлые, разрозненные болотные кусты, ни задерганная деревенская кляча, сползающая по проселку в какую-то котловину—не оживляют этого пейзажа.

Триста пятьдесят мухрых, обросших людей—частью со старыми винтовками за плечами, частью без нас, с шестыми мешками, одетых в неообразную рвань и осторожно подвигающихся вперед—тоже не придали общему фону ничего яркого, ни веселого.

Люди шли без разговоров, без песен; только шуршали ремни, скрипела обувь, да хрустел снег.

На людях не было никаких знаков отличия, по которым можно было бы

узнать в них регулярную часть: ни одной красной звездочки, ни каких-либо других знаков; судя по плохому обмундированию, это была наша красная часть.

— Стой, кто идет, пропусти!—заревел, выступая из-за дерева в стущавшихся сумерках человек.

Это был часовой из заставы белых. За ним два человека стучали пулеметом. Часть двигавшихся по полю остановилась; из общей гущи выделился человек и один, махая белой рубашкой, пошел вперед к пулемету.

Через пятнадцать минут он вернулся, недолго советовался со своими людьми и затем повел часть вперед. Из встречного дозора один пошел в нере, остальные остались у заставы. В деревне уже расположен был штаб белых, было оживленно и шумно: скакали верховые, проходили патрули и отдельные вооруженные люди. К перебежчикам вышел начальник штаба в полковничьих погонах со штабными аксельбантами.

— Командира ко мне,—приказал он. От пришедших выделился человек, одетый и сравнительно целую шинель, и приложил руку к козырьку.

— Остальных разоружить, допросить и взять в карантин,—броял он стоявшему сзади адъютанту поручику.

— Понимаю, господин полковник,—допросить и в карантин,—будет исполнено—почтительно и вместе с тем чуть небрежно, по старогвардейской манере, растягивая слова, ответил поручик.

Полковник повернулся, жестом вперед пропустил командира пришедшей части и вошел в помещение, занимаемое штабом.

В большой, просторной хате, за картой, услышанной крошками, сидело несколько офицеров и ужинали. Кроме них в хате было несколько солдат; один из них барабанил что-то на «Ремингтон», другой возился с кабелем полевого телефона.

— Сидоров, Куклин, Нефедов, вы можете идти,—обратился полковник к солдатам.

Когда последний из них осторожно прикрыл за собой дверь, полковник обратился к группе офицеров.

— Господа офицеры, разрешите представить вам нашего дорогого гостя, капитана Кочнева, который ухитрился завязать с нами связь с того берега и не только притти самому, но и привезти с собой несколько сот людей, в которых... впрочем, о деле поговорим.

— Капитан, вы, надеюсь, еще не ужинали?

— Вы угадали, господин полковник. Ему освободили место, и Кучнев шел за стол.

Офицеры засыпали его вопросами: как, что, где, сколько, правда ли и т. д.

Поворачивавшись во все стороны, Кучнев закусывая, рассказывал, как ему удалось войти в связь с белыми, обмануть красное командование и привезти с собой полк, который он командовал.

— Позвольте, а ваши комиссары?—спросил кто-то.

Кучнев улыбнулся.

— Мы их доставили. Я должен извиниться, если они слегка окажутся продравлянными, но я не мог слезгать своих ребят, уж слишком у них всех накопело вот здесь,—он указал на грудь. Но цифры и все необходимые сведения я, конечно, предварительно выжал, насколько только мог, вряд ли бы я даже от них узнал что-нибудь больше.

— Ну, полковник,—захохотали за столом,—у нас по этой части есть больше специалисты,—у них даже мертвый заговорит.

— Не смею спорить, улыбнулся капитан.

— Так вы, капитан, находите, что мы можем вполне положиться на всех, без исключения, людей вашего полка?

— На всех, господин полковник.

— А все-таки, по-моему, лучше было бы их разбить по полкам...

— Но почему, господин полковник?

— Ведь, если у них осталось хоть немного этой большевистской заразы, я считаю крайне опасным оставлять их вместе.

— Но, господин полковник, разрешите обернуть против вас собственный же ваш аргумент. Согласитесь, что если они настроены большевистски, то тем рискованнее их расселять, ведь ничто так легко не передается, как эта эпидемия, в особенности, среди солдатской массы.

— Так как же тогда быть, — пожал плечами полковник.

Кучнев встал.

— Вот что, господин полковник, если вы мне доверяете вполне, то я прошу также верить моим и людям. Я ручаюсь за них честным словом старого гвардейского офицера.

— Мы тоже считаем, что, пожалуй, целесообразней было бы не распускать полк, а оставить его под командованием капитана в таком виде, в каком он сейчас, тем более, что у капитана будет возможность во время ближайшего же дела доказать правильность своих слов.

— Да, господин полковник, об этом я от своего лица и от имени своих людей хотел просить вас: если можно, не мариновать нас по тылам, а как можно скорее бросить в бой, — вы мне окажете ценнейшую услугу: я еще в германскую войну очень не любил тылов, а в эту и подавно. А людям моим, я считаю, бой — это единственная возможность вызвать к себе доверие со стороны ваших старших частей.

— Правильно, правильно, — поддержали офицеры горячо сказанную Кучневым фразу, — правильно!

— Ладно, капитан, протянул полковник Кучневу руку, — утро вечера мудренее. До завтра, гас-сплада офицеры...

III.

НА ДРУГОЙ день утром пришедший полк был выстроен на деревенской улице. Вверхних оборванцев не узнавать было: ловко сидели английские шинели с погончиками, ноги щеголяли в шнуровых, желтых сапогах.

— Гольно на днях на ваше счастье получили обмундирование, — говорил полковник Кучневу.

— Спасибо, господин полковник.

— Что вы, капитан, не благодарите, ведь мы делаем наше общее дело и последуем одну и ту же великую цель...

— Смир-ри, равнение налево, — раздалась команда, и к полковнику подошел браваый человек с рапортом.

— Это, господин полковник, бывший, а теперь опять действительный подпрапорщик, Соболев, очень способный человек.

Полковник слегка поклонился, но руки подпрапорщику не протянул.

— Зарасе, ребята!

— Зара ждл ваш высок бродь, — отчеканило триста пятьдесят глоток.

— Хорошо отвечают, — улыбнулся полковник.

— Будьте уверены, — заметил Кучнев, — они, господин полковник, почти все в старой армии были, школу хорошую прошли.

Хорошая шагистика, ловко проделанное ротовое учение и кое-какие, четко выполненные, маневры, окончательно покорили полковника.

— Знаете, капитан, ваша часть будет не последней, да, и последней в рядах нашей славной добровольческой армии.

— Рад стараться, господин полковник.

— Подойдите смотреть ваших комиссаров.

Группа офицеров пошла за околицу. Восемь тел, раздетых до-гола, лежали, брошенные в овраге.

Следы пулевых и штыковых ран зияли багровыми пятнами. Некоторые были уже изгрызаны собаками, которые, опустив головы, мелкой рысью убежали от подходящей группы людей.

— Чисто разделились, — сказал кто-то из офицеров, — а жаль, — он толкнул носком лакированного сапога ближайшую от себя голову, — жаль, что не пришлось вздернуть мерзавцев.

— Нельзя было, — с сожалением развел руками Кучнев, — как только мы объявили, что переходим, люди так и обрадовались, что не выдержали и сразу всех перебили, — чуть не разорвали в

клички, еле сберег их в таком виде, чтобы доставить вам в качестве, так сказать, вещественного доказательства.

IV.

УЖЕ ТРИ дня жил полк в деревне, получил оружие — новенькие английские винчестеры, сполна экипировался и отъехал после голодовки «в Савра-ни», как называли белые советскую Россию. Офицеры не могли нарадоваться дисциплинированности новой части, прекрасной выправкой, лихими и почтительными ответами.

В разговорах все солдаты, как один человек, ругали большевиков и, рвались в бой. Конечно, офицеры после таких разговоров уходили от них в очень восторженном состоянии.

Увы, о солдатах, служивших у белых, того же сказать нельзя было.

Они хмурились на новых друзей, не ладили с ними и часто пусkali им вслед словечки в роде: «нуды искриротские». Но к чести перебежчиков следует сказать, что они никогда не подымали истории, обходили осторожно конфликты и только ухмылялись в ответ на неслестные эпитеты, которыми награждали их солдаты.

V.

СОБОЛЕВИ — Я, господин капитан.

— Все в порядке?

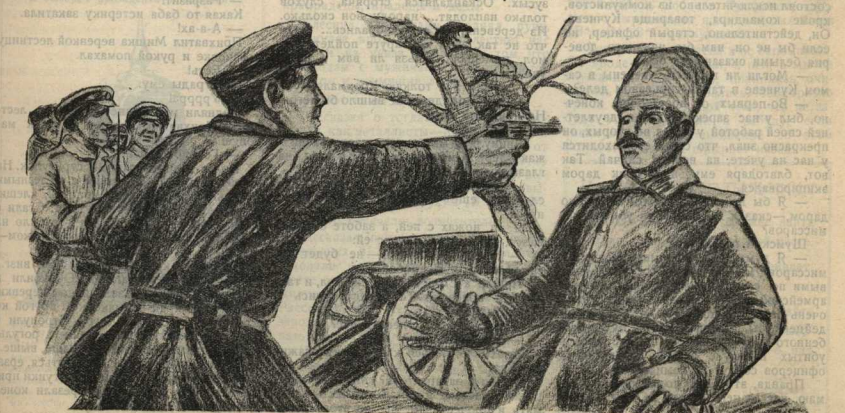
— Так точно.

— Выкатить орудия!

Два орудия, приданных теперь полку, были поставлены за пригорком.

Поручик, выставте наблюдателей, посадите их хотя бы на этот дуб, — я лумаю, он достаточно высок.

— Есть, очень хорошо. И пришел взят на позиции красных. Не стоит их сегодня беспокоить, а вот что: поprobуйте лучше перевести прирел на нашу деревню. Колокольня — достаточно асная цель, не правда-ли? Кстати она рядом со штабом.

Рука поручика бесильно опустилась...

В П Е Ч И

Н. ЛЯШКО

— Ха-ха... забавник вы, господин капитан, прикажете открыть огонь? Пер-вое!

— Подождите, поручик, я не шучу, и вот доказательство!

Браунинг, прицелившийся в лоб сразу победившего поручика, был достаточно красноречив. Поручик схватился за кабур.

— Еще движение, и я раздроблю вашу благодарную голову, — сказал капитан Кучнев, — опустите руку!

Рука поручика, бессильно опустившись. — А теперь, дорогой, давайте не будем спорить: артиллеристов у нас нет, и чем больше у вас будет попаданий, тем больше вы получите на том, что выдете благополучно из этой истории.

— Ну что ж, решайте, на размысленные одна минута, — сказал Соболев, и поручик понял, что он не шутит.

Через две минуты раздалось:

— Пер-вое, огонь!

— «Номера» проворно забегали у орудий. Поручик руководил огнем.

VIII

ШТАДИВ, штаббриг, штабарм. Первый коммунистический полк, получивший задание к противнику, чтобы там экипироваться, задание выполнил. Сверх экипировки, полк привез 380 винтовок системы «винчестер» и патроны к ним, батарею из 2-х орудий 3-х дюймовыми снарядами и 6 пленных офицеров.

Потерь не было.

КОМАНДИР ПОЛКА: **КУЧНЕВ.**

КОМИССАР: **СОБОЛЕВ.**

— Вот, брат, какие дела бывают, — закончил Шумский, переворачиваясь на спину: А думаешь, почему это проделали, как эта мысль у нас зародилась: исключительно от холода. Ребяткам нужно было до-зарезу одеться — и оделся.

— Но цены какого риска! — скептически уронил я.

— Какой же риск, ведь полк наш состоял исключительно из коммунистов, кроме командира, товарища Кучнева. Он, действительно, старый офицер, но если бы не он, нам бы никакого доверия белыми оказано не было.

— Могли ли вы быть уверены в самом Кучнев в таком серьезном деле?

— Во-первых, он достаточно, конечно, был у нас зарекомендован двухлетней своей работой у нас, а во-вторых, он прекрасно знал, что семья его находится у нас на учете, на всякий случай. Так вот, благодаря ему, наш полк даром экипировался.

— Я бы не сказал, чтобы особенно даром, — сказал я, — а восемь убитых комиссаров?

Шумский рассмеялся.

— Я думал, ты догадливей. Ведь «комиссаров» мы им доставили уже мертвыми по случаю «негодования-красноармейской массы», а разве по мертвому оценю отличить комиссаров от бело-гардейцев? Мы и решили, что не будет особенного греха в том, что у нас восемь убитых нахуаев в бою декинских офицеров сойдут за комиссаров.

Правда, это было подло, но я, думаю, нас за него ругать не приходится

...**ВОШЛИ** мы всей колонной в ограду, приставили лестницу к церкви и на лоб ей, где раньше вкноса с лампадкой красовалась, прибахали серп с молотом, а потом вывеску:

РАБОЧИЙ КЛУБ
«ДОМЕННАЯ ПЕЧЬ»

Кресты снимать взялись стригунками. Загодя приготовили все, вымеряли и держались табуном. Управляющий заводом боялся за них и подлетел к ним:

Тов. **Т Е Л Ъ М А Н** КАНДИДАТ КОМ-ПАРТИИ. На выборах президента Германии получил 1.800.000 голосов

— Эх, — говорит, — сомневаюсь я в беззусых. Оскандалятся горяча, слухов только наплодят... народу вон сколько. Из деревень, из сел собралось... Чуть что не так, зvon по округе пойдёт: бог, мол, помешал. Нельзя ли вам с ними уязвяться?

Подумал я и толкаю Крохмалю: — В самом деле, не вышло бы чего... Не пойти ли нам?

— Идем... Двинулись мы, а меня саади за пиджак — дерг. Смотрю — жена. Красная, на глазах слезы...

— Не лезь, — шепчет, — ради бога, а то случится еще что, на кого дети останутся.

Я на ножах с ней, а работа обрадовалась, руку даже потрас ей: — Ничего, — говорю, — не будет до самой смерти. Не робей...

Пошли к стригункам: так, мол, и так, с вами полезем. Те переглянулись и на дыбы:

— Это что же, опекать нас?

— Что мы — дети?

Крохмаль втерся к ним и ну осаживать их:

— Что затрахтели? Мы для пригляду полезем, а самая эта честь — снимать и прочее — вам. Вы же этого доби-

ваете. Землю, вроде, новую открываете. Глядите, дескать, все, какие мы Колумбовичи...

Укусило это стригунков, — притихли. Тут церковь открыли. Десятя ж, двое нас, с нами два новых флага. Юркнули в притвор, на колокольню, спустились от туда связанные лестница на церковь и сами перемахнули. Начали укреплять одну, а за оградой как залогосят:

— Не смейте, паршивцы! Или жизни не жаль!

Тут только понял я, почему жена дернула за пиджак. Эх, — думаю, — а — дурак, расолодел". Крохмаль смеялся и хозяйствовал.

Вот дожидем до весны, купол этот и верх колокольни срежем. Колокола снимем на днях, отольем из них магнит, и сделаем на месте нашего паршивого звона председателям собраний — наковально... Занос.

Занесли мы лестницу. Вляпла она привязанными рогулками в маковку. Я и говорю стригункам:

— Ну, ребята, если какой боится высоты или еще что, так лучше не суйся...

Главный икний как глянул на меня, да как зыкнет:

— Убирались бы вы, товарищ, с вашими страхами к чертям...

— Извинюсь, — говорю, — я по-товарищески, а ты сразу матвируешь...

Скуксился он, пробурчал что-то и ну командовать:

— Готово, держите. Мишка, вай! Взял стригунок Мишка (ладный такой) веревку и полез. Из ограды все глазами в него, а с улицы криком:

— Не смей!

— Вернись, нечистая сила!

— Господи, не допусти!

А как конулся он креста, завыли прямо:

— Не трогай! Не трогай!

— Разарзит!

Какая то баба истерику закатала.

— А-а-ах!

Прихватил Мишка веревкой лестницу к маковке и рукой помахал.

— Есть!

Из ограды ему:

— Урррр!

Подняли мы и занесли другую лестницу. Прихватил Мишка и ее к маковке:

— Готово. Качай.

Полез к нему главный стригунок. На плече веревка, две палки с железными рогулками, за поясом молоток, клещи, в руке зубило. Все обдумали. Стали с двух сторон креста. Один — зубило на кромку, другой — по зубило молотком — бац.

На улице крики, ахи, галдеж, визг... А они банают и банают. Обрубали и поднимали выше. Взяли кусок веревки, привязали край к маковке, другой ко кресту и ну дергать его. Стронули с места, подхватили на палки с рогулками и давай поднимать... Выше, выше... Крест наклонился, стал спускаться, ерзал у маковки и повис. Стригунки привязали его к веревке, перерезали конец и направили под лестницу:

— Принимай!
И поплыл крест. Подхватил мы его, отвязали, а к веревке флаг. Эх, и взмыл же. Мишка схватил его, как птицу, взмахнул и вставил. Снизу музыка, крики. Флаг расправили, полькнул по ветру и заиграл, забился о плечо Мишки. Главный стригунок пригнул к палке кромку и к нам. Мишка отвязал его лестницу.

— Принимай!
Принял мы. Отвязал он ту, с которой сам стоял, рогульки попробовал и стал спускаться. Наши дух затаили, а на улице зашлепало:

— Вот оно, вот, вот...
— Господи, да покарят же...

Мы облепили лестницу, держим, сами вроде сходим. Подхватили Мишку, под музыку спустили с крести крест, приняли лестницу, снасти в руки и на колоколочно.

По улам колоколов на вышку пробрались, а из нее в голову колоколочны. А там дверца, вроде уха. Сунули в нее две доски. Крохмаль на них и полез. Накинул на крест перекву, пятанул, подпер палкой и нам:

— Жар!

Выбили мы крест. Подхватил он его, спустил вниз, флаг вставил и назад:

— Стендай, примерзало.

Поезали мы. В ушах свист ветра, музыка, песни... Наши встретили нас знаменито. А на улице тикот так, ну, вроде, хрусстит что-то в дылах. Как же, вертели, бог покарет, а мы — хоть бы хин...

С паперти оратор загудел. Взял я Крохмалю под руку и к оградке. Глапули оттуда — красота. Солнца нету уже, а флаги горят, трепыхаются. Крохмаль даже рукой помахал им.

— Здорово!
Рядом вынырнул мальчишка и за блузу его:

— Дяденька, а что — страшно было флаг вешать?

— Нет. А что, ты думал — страшно?

К выборам президента в Германии

ФЕЛЬДМАРШАЛ ГИНДЕНБУРГ, ИЗБРАННЫЙ В ПРЕЗИДЕНТЫ ГЕРМАНИИ. Гинденбург является старейшим национал-социалистическим и народным капиталистом, объединяющим крупных помещиков и капиталистов, которые имеют у себя много земель. Его избрание является результатом соглашения между помещиками и народными капиталистами на рабочий класс и новые преследования коммунистов.

— Мамка говорила, гром разразит вас, а грома-то и не было.

— За оградой настрожились.

— А ты хотел, чтобы нас гром разразил?

— Нет. Страшно.

— Правильно. Гром, брат, из пушек на войне бывает, в грозу из туч, да у нас в кузнице под паровым молотом... Так матери и скажи.

К нам проталкивался худой ошальелый чертежник. Он всегда на людях о чем-нибудь этаким спрашивает. К нам далеко еще, а у него рот уже раскрыт:

— А будьте любезны, товарищ, скажите, чем вы заместите бога. Я лично не мистик, не метафизик, но...

Договорить не успел: грянул оркестр, знамена шевельнулись и поплыли в „Домну“.

Крохмаль крикнул:

— Человеком заменим! — и заторопил меня. — Пойдем скорей.

Пробрались мы только до середины. Стены чистые, как снег. Божественное осталось только в куполе. У купола, что паникадило держал, на облаках сидел господь с паучьей, с похожим на круглую булку миром и глядел на нас. Над ним трепыхался голубок.

На месте иконостасов и ворот в алтарь, сцена, сбоку трибуна, над сценой бархат... Равьше им был престол обтянут. На бархате нарисован завод, за ним, солнце, над солнцем — герб. По бокам и краям серебряные слова.

Допели Интернационал. Что будет дальше — я толком не знал и шепчу Крохмаль: не знаешь, мол? Не успел тот отшнырнуть, лампочки вспыхнули. Стало совсем хорошо. Глазку — к трибуне Чугаев идет. Парень из нашей бригады, хороший, писать умеет, ну, а у меня заскребло: — „Эх, думаю, для такого раза повидней не нашли“... Стал он, поздравил нас с открытием кула и говорит:

— Давайте вспомним, кто такие мы, металлисты, откуда пошли, кто наши прапрадеды, правды и деды.

Блеснул гляделками, поднял руку, вытнул вроде, да как хлестнет нас словами из указа Петра I о том, что к заводам с мужиками прикрепляются „подлые и немужские люди“.

— Вот наши прапрадеды.

Рассказал о тогдашней кабале. Рассказал, как металлисты — Клим Соболев и Анцифер Трофимов — ходили холодами от рабочих к Екатерине II, как начальство стегало их кнутами, а перед каторгой вырвало им ноздри и каленым железом выгло на лбах и щеках буквы „В“, „О“, „З“.

— Это означало: возмутитель.

Рассказал, как челобитчиков от Нижнетагильских и Невьянских металлистов заковали в кандалы, как на верхнем Исете металлисты чахли в ярме и тузились сварганив запретное общество.

Рассказал, как металлисты Ангорского завода связали себя клятвой не выдавать, не уступать и бастовали.

И просто так, без одного этого тельнячего, т. е. иностранного слова. Шаг за шагом. Ну, вот, вроде, взял нас за руки и повел по нашей жизни. Вел и вытягивал ее у нас. У меня мороз под рубахой заходил.

К событиям в Болгарии

ПРОФЕССОР ЦАНКОВ — ГЛАВА БОЛГАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, организатор бесновато террора против болгарской компартии и Землеобельческой крестьянской союда. В связи со вступлением в Софию Геманца Болгарии ирландцев в Чанкова по «поддержанию» распространяю окаяно божу коммунистов и крестьян.

Начались мы, выходили еще за яра, Панка, когда земля была тонка. Давно живем... Били нас, мучили, а мы шли, шли... С каждым шагом становилось нас все больше. Все чаще рельсы клали мы на землю, чаще паровозы пускили на ноль, а на моря и реки корабли, на поля — машины. Не тропа, не дорога у нас — дорожица. А по бокам ее, вроде вешек, наши кости. И у каждой вешки какой-нибудь Соболев, Трофимов, порты, с вырванными ноздрями, с клеймом „В“, „О“, „З“ — возмутитель.

Теперь слов Чугаева и не вспомнить. Он вроде и не говорил, а пел, а мы не слушали, а, как руда, плавились, ошнцались от шлака, свалились. Меня трясло прямо. Ногами, спиной чувал, что не забуду этого... А если и забуду, если свинуху, так воспоминание об этом задушит меня или швырнет назад.

Пишите в „ПОДЗАТЫЛЬНИК“!

„ПОДЗАТЫЛЬНИК“ должен найти отклик в нашей читательской массе.

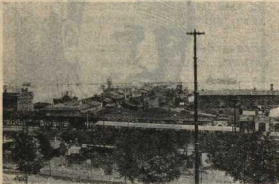
„ПОДЗАТЫЛЬНИК“ высмеивает, но высмеивая воспитывает.

Присылайте материал, подмечайте уродливые явления нашей комсомольской жизни, сообщайте о них в редакцию.

„ПОДЗАТЫЛЬНИК“ „поглядит“ кого следует!

КОРОВИНЫ ДЕТИ

Очерк ИГОРЯ МАЛЕЕВА

Общий вид одесского порта

ПОРТ. ОН БОЛЬШОЙ у нас — кормилец Одессы.

На рейде маячат: „Англичанин“, „Итальянец“ и „Француз“. Вокруг копошится грузчики — освобождают от мешков глубокие трюмы.

Вчера прибыл „Американец“. Много недель с грузом муки мерил он моря, океаны. Сдал груз и стал в доке завода „Андрэ Марти“ — на поправку.

Сначала скребли — сдирали толстую кору ракушек — „мидий“. Потом по многотажным бортам ползали в „люльках“ маляры. Такелажники правили снасти.

Но нельзя забыть и сердце парохода — машины, котлы. Они закоптели, покрылись сажей. Их надо чистить, ремонтировать.

Огромный котел. Маленькое отверстие топки. Как проникнуть туда? Казалось бы, — и двухлетний ребенок не пролезет.

Вдурт, из топки высомывается грязная рука, и детский голос протит:

— Эй, братишка, оставь-ка дукорить! Вот это и есть „теленок“, „Коровино дите“.

ДАВНО, ЛЕТ за 30 до революции при открытии завода, понадобились котлочисты. Взрослые для этой работы не годились. Только ребенок может работать в пародном котле.

Директор не хотел сам возиться с детьми и поручил чистку котлов подрядчику, по прозвищу „Корова“.

Подрядчик объявил набор маленьких рабочих. Сбежалось их со всей Перемысли видимо-невидимо. Каждый за гривенник согласен целый день работать в самых ужасных условиях. Зажатый в железде, часто вниз головой, „теленок“ скребет внутренность котла, освобождает его от колоти и ржавчины.

Бывали и такие случаи.

Влез „теленок“ в котел. Работал внутри часов шесть. Пот смешался с сажей, все тело в ссадинах и царапинах. Пришло время вылезать — не может мальчик. Маленькое тельце опухло и не пролазит в отверстие.

А тут пора котел топить — на утро пародом отъезжает.

Что делать. Пилить котел из-за какого-то мальчонки — нельзя — много денег стоит. Оставить ребенка в котле — умрет, пожалуй.

Выход нашел боцман — англичанин. Он схватил котлочиста за голову и стал тянуть.

Боцман оказался сильным человеком и „теленок“ был извлечен наружу.

Утром пародом ушел в Англию. Тогда же, в каморке на Перемысли, умер маленький котлочист.

ТАК РАБОТАЛИ у „Коровы“.

Подрядчик платил гроши и не позволял вылезать из котла часов 8—10.

Стали болеть ребята. Блевет в котел, проработает час и заснет от усталости.

Но у „Коровы“ губа — не дура. Обомоговал дело и решил поступать „по-американски“.

Каждое утро кормил ребят пирожками. Сивверные пироги — трубуха одна. Однако, дети наедались и работали, как следует.

Из тех же „телят“ завел подрядчик надсмотрщиков. Они лазили по котлам и подгоняли своих же товарищей.

Шли года. Сколько детей перебивало у „Коровы“ — никто не знает. Подрядчик старел, богател и расширял свое „производство“. Открыл агентуру в Николаевском порту.

Утром топчили котельщики во дворе. Все дети, как будто. Ан, нет. Среди детей попадались 20-летние парни. Они были такие же мальечки, как и все.

— Сколько времени у „Коровы“ работаешь?

— Лет десять.

— Почему же такой маленький?

— „Корова“ из котла не выпускал, вот я и перестал расти.

Титы „коровиных“ детей

ФЕВРАЛЬ СМЕНИЛСЯ Октябрем. Из Москвы давно согнали стада „коров“, а в Одессе попрежнему каждое утро сотни „телят“ лазили в котлы, чтобы в субботу получить от подрядчика тысячу — нищенскую, по тем временам, и смешную.

Хозяином Одессы был француз, грек, офицер — белогвардеец, случалось, — на месяц — советны, а потом снова — белый, немец, поляк, англичанин.

Уже в восемнадцатом, при немцах, молодежь заводская стала поговаривать.

— В Москве хорошо нашему брату: Свой косяк имеет. А вот у нас, даже не знаем, под кем ходим. Сегодня — один, завтра — другой над тобой командует.

А тут еще несколько молодых, которые в Красной гвардии побывали, пороку понохали. Захаживали на завод и агитаторы из города.

Долго ли, коротко ли — ходили и разговаривали, а только в 19 г. была здесь организована ячейка союза коммунистической молодежи.

В ячейке числилось человек десять заводских ребят. „Телят“ среди них не было. Да и куда им! Эти работали вдали от завода. Сегодня — на одном, завтра — на другом пародоме. Вылез из котла, выкушался тут же в море, — и скорее домой спать.

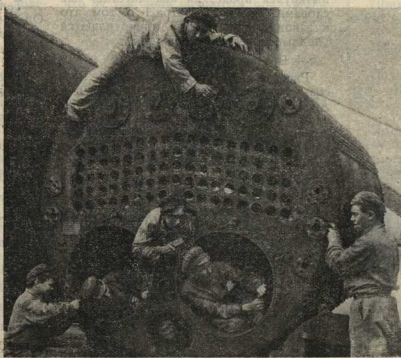
ЗА РАБОЧИМИ ВЛАСТЬ укрепились только в двадцатом.

Завод стал государственным, а „Корова“ по-прежнему „наш телят“. Забыли как-то про него.

Но вот история вышла. Работают дети, чистят котлы, а „Корова“ им месяц денег не платит. Приуныли „телята“, но что поделаешь, говорит „Корова“ — денег нет.

Дошел об этом слух до комсомольской ячейки. Решили „комса“ — „телята“ бастовать должны, надо их сагитировать.

Отправились на пародом. — Идите, хлопцы, домой, Он вам неделю не платит, так вы не работайте.

Бывшие „телята“, теперь — рабочие-котлочисты за работой

— А кто же, вы нам будете деньги платить?

— Да, какнибудь поддержим.

— А ну, катитесь отсюда. Вы нас подговариваете уйти, а „Корова“ новых „байстроков“ наберет. С голоду мы пердохнем!

— Уходи отсюда, гады, а то вместе с одеждой в воду побросаем!

Но комсомольцы не ушли. Начались более спокойные разговоры. Уговаривали „телят“, обещали помощь завода, наконец, уломали. „Телята“ отправили делегацию в „Корове“.

— Платите деньги.

— Нет.

— Ну, тогда бастуем.

— Что, бастовать? Я вам покажу бастовать! Руки и ноги повыворачиваю... Котлочисты забастовали.

Около парохода выставили посты и не позволяли стать на работу детям, которых нанимал „Корова“. Прошла неделя. Пароходы стояли с нечистыми котлами. Разобрала злость подрядчика. Прибежал в комсомольскую ячейку с криком.

— Вы что, молокососы, мне указывать будете? Баломутить деток моих!

И схватил за шиворот секретаря ячейки. Подоспевший милиционер увел „Корову“ в район. Он плакал, клялся, и на завтра выплатил „телятам“ деньги, до копеечки.

НЕТ „КОРОВЫ“, нет подрядчика. Зато есть мотельный цех завода имени Андрэ Марти. Нет „телят“, вместо них рабочие—котлочисты.

Большой праздник у ребят был недавно. Последнего беспартийного котлочиста в комсомол приняли.

Вот радости было. Вспоминали прошлые забастовку „Корову“, ячейку-заступницу.

— Раньше из котла не вылезали, теперь в фабзавуч ходим, учимся.

Были „коровины дети“, теперь нет. В пародных котлах работают члены великой комсомольской семьи, — комсомольские дети.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА „С М Е Н Ы“

НА БЫТОВОЙ РАССКАЗ

1. Рассказ должен затрагивать острую бытовую тему из жизни молодежи.

2. Размер рассказа 2—3 страницы „С М Е Н Ы“.

П Р Е М И И:

1-я — Полное собрание сочинений В. И. ЛЕНИНА.

2-я — „С М Е Н А“ за 1925 год.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ КОНКУРСА
15 ИЮЛЯ 1925 ГОДА

СЫНОЧЕК

(Отрывки из поэмы А. ЯСНОГО)

А. ЯСНОГО

Загуляла ветер у ворот,
Целовала с черноталой ночью...
Как у нас здесь в позарешлый год

Загуляли, расстреляла двух рабочих
Только месяц, лавиной за овраг,
Только булыные ребуткини—два ветра

Увидела в синей шапочке казак
Сняла с убитых серые гетры.
Горько плакала по убитым мряк,
Отвезила о комедия шпору.

Удала домой на Дон казак,
Да вернется, пладо, уж не скоро.
Месни в небе мильевку жет.
Наринался в синевский платочек.

Напелет он милью у ворот,
Что растет у красневских сыночек.

Кто сказал, что надо быть добрей?
Кто сказал, что так нам будет лучше?
Мне, кто с детства, как в палуче
На приплотуных каменных лошадей.

Мне, чьи руки тоненький плакат
Ночью в слюны на шпурки...
Я не хочу, чтоб тот, кто каркал,
Был брат.

Брата немцы расстреляли;
Отца ухлопали так,
А я смеюся над пальчальными,
Укутавшись в равный пиджак.

Выдула ночью провадат панирсов,
Пелась на золото-погон,
В утку с лигити матросами
Душить чей-то тизий стон.

Вечером в глухой стороне
Разбежусь веселый и злой,
Звору оглушительный звонкое
Тоскующим шпуром стои!

И, пудел горничей огрета,
Грудь казачья в каскея по родному вынет.
А я смеюся, мальчишка отпетый,
Шестнадцати лет большевик.

Брата немцы расстреляли,
Других ухлопали так...
Что-ж, гадеть, как титьо детишки звали,
По трое на равный пиджак.

Убегу с лигити матросами,
Я хочу быть добрей,
Я, лихой мальчишка с горничей панирсов,
Развеселый сынчик октябрьей.

Один с обрзом у нас,
Два нас с титью вместе,
А какия доменная печь,
Меня, маленького, вестит.

А каким миллионом звезда
Широчайшее сердце мерить,
Если все, если все вы созданы,
Чтоб в меня, малычуана, периги!

Красневский платочек,
Синевский жулан,
Бельевые ручки,
Черневый пиджак.

Из блокнота инстинктивно
Мильевкому вестит,
Напелет на сухую,
Коли радость есть!

Змейкой описан
Тонкий ремешок,
Русь топтали поженны
С юга на восток...

Заверулась набок
Русая коса,—
Полобила я милью,
Черные глаза.

Отзвенит подковали
Черный кабучек,
Заскучает к вечеру
Синий огонек.

Двери на распанку,
Душу на раствор...
Сж, любил я милью,
Веселый разговор.

Уаааа девочка,
Буйный голосок,
Целовала я к вечеру
Русый волосок.

Полобила я милью—
Синевский жулан,
Красневский платочек,
Черневый пиджак.

Девчье, оживляющее, часик,
Еще капелька к морю слыши,
Тихо шепчет прозорный слух
Ночь—старушюна лукавая.

В небе сотни звездных зайчат
Поводят глазами раскосыми,
Тихо с солнцем ушлы на зыкат
Девочка с русыми косами.

Когда сумерки мчались, слыши,
Улынууть под колеса трамваев...
Ее душа
Была шестая.

Тихо шешкула злоवेशей курок,
И тоскулю шпору затевьяли,
Красный платок
Терпеливо застыла у стевии...

Горы, горы мол „Жигули“!
Развеселые Стевьи Разини!“
Пид!
Сразу!

Эй, ветры, стои!
Стойте небо, зомья, тучи,
Только что вот за этой стеной
Моя любовь замучили.

Навлетает Гетры и спокосет,
Средле чуб, читью газельи,
Все равно оно—покойники,
А —отпетый...

Все равно мне луны не касаться
Пусть горат фонари...

Чорь позеры,
А с кем бы поарти...

КРАСНЫЕ ПОВЯЗКИ НА ГУБАХ*)

(ПОНЕСЕ А УМНОГО Е. ЛАВРОВ Иллюстрации А. ЛАПТЕВА.

КАК СОЗДАЛИ ячейку при школе, кружок всех. Можно сказать, сразу две фракции объявились.

Гимназисты да реалисты, и каждый норвит про политику. Те, что раньше в дворанском пансионе при гимназии жили, притаились немного, все кучками ходят, — не услышишь, о чем у них разговор там.

А Чайкин, что кончал уже школу, сразу вожаком стал, — член партии эсеров.

Верстах в семьдесят — немцы; кругом — банды, называют себя „анархистами“. Кто-то из учащихся Пинкертоном увлекся — следить захотел; а Чека не дремлет, — как что, так за коуку.

Тут-то и Чайкину работа.

Немедленно по школам объявление: „Сегодня в школе № 2 общее собрание учащихся города Курска“.

Потом — большой зал (теперь рабфак там). Полно. Стоят, сидят, жмутся у стен, на подоконниках.

На сколоченных к какому-то вечеру подмостках — стол, за ним Чайкин и другие:

— Граждане, — отгадывается по залу, — снова чрезвычайка нам подарок делает (арестовали еще двух наших учащихся).

Гремит зал рукоплесканиями так же, как на выпускных балах...

Мы жемся в сторонке. Нас мало: Венька, я, да еще три-четыре.

Кругом бурлит. Слова не скажешь.

Ухает:

— Предлагаю в резолюции заявить, что мы, учащиеся, молодежь Курска, протестуем против бесчинств со стороны чрезвычайки. Предлагаю требовать, чтобы не отрывали учащихся от занятий нелепыми арестами.

Мы жемся. Хочется крикнуть:

— Долой!

Тихо говорим между собой: „Не стоит, нас мало; нужно подкопать снизу, тогда сами свалются“.

II

СОЗДАНА ЯЧЕЙКА. В ячейке — 10. Наверху, в школе, где были раньше дортурья пансиона, в большой, длинной, через все здание, комнате, где свалены в кучи железные кровати, в одном из уголков — колышутся тени.

Собрание. Колька хмур, то и дело почесывает локоть и бок.

— Как же это тебя? — спрашивает еще раз.

— Как же, — недовольно бурчит тот, — только я в дверь, — а там темно ведь, — тут они и на меня сразу все. В потом

они комсомольских вспоминавши.

Гремит зал рукоплесканиями. Мы жемся в сторонке

как не разберешь, кто. Слышу только, как сопит. Один только брикнул... — Это, говорит, тебе за доноси в чрезвычайку.

И, потирая локоть, Колька добавлял: „суки“.

III

ДНИ ЛЕЯТ за днями; через месяц — ячейка крепче на ногах. Выступают своих ораторов на собраниях учащихся. Берем, кроме того, в работу горком союза — присылает своих. Приходит обычно Ношка. Сгорбится слегка, шинель наброшена на плечи, — ногами семени мелко-мелко.

А потом с трибуны, под крики „долой“, плетется в толпу морщивших гимназистиков и поджимающих губки гимназисток — увесистыми, крепкими словами.

А у моего Веньки в глазах прыгают веселые огоньки: „Он вам пропнет, гадоки!“, — это мысленно, в сторону собрания.

IV

СПЕШНАЯ, ДЕЯТЕЛЬНАЯ подготовка: 1-е мая 1919 г. За месяц начинаем думать, что и как.

В комсомоле меряют куски бумаги. Высовывая язык, — то вправо, то влево, малютку на красном белым:

„На смену старшим, в борьбе уставшим, молодая рать идет“.

У нас с Веней долгая, мучительная мысль:

„Что мы сделаем, мы — со стороны коммунистов — учащиеся“. Нужно так, чтоб чувствовалось всеми: есть, мол, в городе Курске и среди учащихся сознательные. Не только шпана в роде Чайкина.

А у тех — свои приготовления: разные сходки, собрания. На общих собраниях боится открыто говорить (Чека научила), а так, по уголкам, на квартирах собираются что-то замышляют.

Незадолго до этого клуб они устроили. В Губоно морщились, но все-таки утвердили. Назвали его „Курский дом юности“.

А потом все (и мы в том числе) сокращено его наименовали: „Курдюш“, а кто в клубе, тот, значит, „курдюшник“.

И вот в этом курдюшке тоже стали шушукаться: за шапками, за шахматами, в читальне.

НАКОНЕЦ, НАС, меня и Веню, прорвало.

— Издадим к первому маю газету, — предложил один из нас.

Приняли единогласно (вернее, „двух“ — гласно).

Начались дни забот и тревожений.

Долгие вечера сидели по домам у себя, склоняясь над белыми полосами бумаги.

Долгие вечера пыхтели над первым опытом — статьей.

VI

НАКОНЕЦ, С ОГРОМНЕЙШИМ трудом, я и Веня написали по одной здоровеннейшей статье:

— Учащиеся, к нам

и

— Учащиеся и 1-е мая.

— Но ведь двух-то статей на газету мало, — спохватился я.

Решили нагнать еще одну.

В результате долгих и мучительных трудов, мы написали еще одну колоссальную статью: „Учащиеся и советская власть“.

Итак, материал был готов.

VII

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ходили в Наробраз. На нас все время лучил глаза какой-то бывший учитель, засеивший в одном из под'отделов Наробрза.

Мы, как умели, пытались объяснить, что нам нужно.

Он смотрел на нас непонимающими глазами и бормотал, зевая:

— Я не знаю, в чем тут у вас дело.

Зайдите завтра.

Наконец, нам повезло, — мы встретили случайного Загубнаробразом, Еськову (покойную), которая сразу дала ход нашему делу.

VIII

СРОЧНО (ПОТОМУ, что наша история дотянулась почти до самого конца апреля) нам дан был наряд в типографию Губоно на отпечатание газеты.

Получаем бумажку, лихорадочно расписываемся где-то на дубликате наряда, не глядя на смеющуюся „совбарыню“ из Наробрза*, поспешно вылетаем из комнаты.

Типография. Контора. Слышен мерный стук машин.

— В чем дело? — хмуро бросает зав. типографий.

Мы что-то лепечем сразу вдвоем и сует поспешно ему в руки наряд.

— Хорошо, — коротко бросает он, — после праздников.

Венины глаза на меня, мой на Венио:
— Т.-е., как после правдинок?— И Венины глаза оборачиваются на зав. типографией и стойко глядят, ожидая ответа.
— Да так,— успокаивает тот,— не бросать же из-за вас другую работу.
Мы долго деремся, ругаемся, кричим, настаиваем, спорим.
Наконец, зав. типографией, не глядя на нас, берет статью и бросает.
— Завтра приходите,— будет корректура.

IX

У КУРДЮШНИКОВ тоже малевали плакат.
Тот же на красном и тоже белым вырисовывалось:
— Да здравствуют Советы без коммунистов.

А на стене висел и сох уже готовый:
— Долой чрезвычайку и комиссаро-державие!

Несколько бывших гимназистов с «бывшим» присождением, резали на ровные ленточки красную материю. Аккуратно складывали ленточки в ряды.

При встречах с нами «главари» — Чайкин, Ростовцев, Жесуини и другие, смотрят с нескрываемым торжеством, заранее празднуя какую-то победу.

А идущие вперед, две школьницы, с большими бантами в косичках, при встрече с главарями, задыхаясь, шепчутся:

— Ах, Чайкин, какой он душка. Ах!
— А ты заметила, какие глаза у Ростовцева? Ах, я не могу...

И шопот затихает, замيرا за углом.

X

РАДОСТНЫЕ ДВЕ пары глаз. Руки лихорадочно перебирают кипу листов. Пачка за пачкой—летят листы в тачку.

Газета готова.
Две страницы. Каждая по три колонки. Все занято тремя статьями.

Красуется заголовок, набранный та-кими же буквами, как и на коробках для шпал—«молдые шпалы А. Бален-кой».

Заголовок мы придумали в два счета:
— «Праздник 1-е мая».

Хотя газета была и однодневкой, мы все таки распорядились вставить: «Год издания 1-й, № 1».

В ночь под первое мая газету при-возим в клуб юных пролетариев, на Пастуховскую.

XI

НА УТРО ПО ГОРОДУ звучит музыка, колышется красные плакаты и знамена, идут организации рабочих и служащих.

У клуба собрались комсомольцы.
Я и Венька снуем по рядам, раздавая наше детище—газету. Даем целыми пачками, кричим, чтобы раздавали по волю.

Бумкает барабан, трубы берут пер-вые звуки,—и наша колонна движется.

У школы № 2 толпа учащихся. Сео-рится. Молча, без песен и музыки, идут, колыхая не просохшие еще плакаты о «Советах без коммунистов».

В знак протеста, против запрещения думать, говорить и активно выступать против большевиков и комиссаро-державцев—у всех рот повязан, аккуратно на-резанными, красными ленточками.

Мораль сей косынки на губах: нам красные закрывают рот».

XII

ПЛОЩАДЬ 1-го МАЯ полна. Вклини-ваемся своей колонной к тем, у кого на губах красные платочки.

Руки наших ребят снуют во все сто-роны, раздавая «Праздник 1-е мая».

Вяня и я, с замиранием сердца, ра-достно слушаем, как неподалеку один рабочий читает вслух передовую из на-шей газеты...

А Нончы лет последний бой Чай-кину, который только что кончил гово-рить и слез с импровизированной три-буны.

Среди учащихся:
— «Долой».
С нашей стороны:
— «Продолжай! А вы тише, черт».
Нас подковыряют прибывшие с Ям-ской комсомольцы.

Настроение боевое. Ребятам хочется пустить в ход кулаки. Горкомовцы ва-жно призывают отдельных ребят к поряд-ку.

Чайкин снова лезет к трибуне, пыта-ясь ответить Нончы.

Но тут первые ряды у трибуны не выдерживают:

— Долой Чайкина! Долой Бело-вардейцев!— и дюжина сильных рук отбра-сывают Чайкина вглубь демонстрации.

Потом наши ребята срывают у уча-щихся повязки с губ и теснят их с пло-щадки.

— Долой тубую тилигенцию,— орет один из наших парнишек.

— Долой!

Забно ругаться и срывать на ходу косынки с губ раскодется, ни с чем, не встретившие никакой поддержки среди молодежи Курска—Чайкин и К-о.

А многие из шедших с ними, тайком позвращаются снова на площадь, а кое-кто даже льнет глазами к «Празднику 1-е мая».

Гулко разносит площадь слова «Ин-тернационала».

Веселые идem с площади под «Смело, товарищи, в ногу».

В окне на главной улице кое-кто из «курдюшников» выставляет свои лица.

Следует гулко—«долой».

И лицо скрывается поспешно за занавеской, и на окне остается только одна теравь в банке, такая же чуждая мне, Ване и всем десяткам и сотням нас, идущих с площади—такая же чуждая, как и «бравые школяры» — Чайкин, Ростовцев и все их гол-компания.

Наши ребята снуют во все стороны, раздавая «Праздник 1-го Мая».

ПЕРВОЕ МАЯ В ГОДЫ ЦАРИЗМА

Воспоминания С. ПОЗНЕРА, иллюстрации П. АФАНАСЬЕВА

ЖИЗНЬ БЬЕТ ключом в промышленном городе. Это не сонная провинция. В нем происходит постоянный прилив и отлив новых людей. Стремятся туда те, кого обуревают жажда легкой наживы. Едут рабочие, одни в надежде на заработок, другие на революционную работу.

Едут студенты, курсистки в административную ссылку после студенческих волнений в центре, едет более зрелая интеллигенция, чтобы в гуще пролетарской жизни развернуть революционную работу.

Идет глухая борьба, идет невидимая кропотливая работа подпольной революционной организации социал-демократов¹⁾.

На лицо все классовые противоречия, ничем не затухающие, ничем не прикрытые, лицом к лицу стоят богатейшие нефтепромышленники и беднейшие бакинские пролетарии. Уверенно и спокойно наживают миллионы.

1902 год. Заметно крепнет, оформляется классовое сознание бакинских рабочих, пробуждается интерес к политическим вопросам. Бакинский пролетариат никогда не праздновал первое мая. Организация с.-д. решает предельно, прежде чем призывать на праздник, подсчитать свои силы. Организаторы соц.-дем. по всем районам устно дают знать, что рабочие приглашаются после работы к 7 час. вечера на прогулку в центре города. И вот, в условленный день, из самых отдаленных промышленных районов стекаются приодетые рабочие и спокойно прогуливаются по улицам. Лица у всех оживленные, радостные, все понимают, что это все «свои», вышедшие по призыву организации, в глазах светится радость, что их много, что есть солидарность. Происходит безмолвное знакомство революционных рабочих друг с другом.

Но буржуазия еще не видывала таких «прогулок», с недоумением и опаской поглядывает она на необычную публику, богатые магазины наспех закрываются. А рабочие, помявшись, продолжают свою дружескую прогулку. Часам к 9-ти спокойно разошлись.

¹⁾ Раскола на большевиков и меньшевиков тогда еще не было.

С пением революционных песен демонстранты движутся по улице

Почуяла полиция что-то недоброе, прискакал полицеймейстер с отрядом конной стражи, но уже на улице никого не было. Пометались они во все стороны и отправились во своеси.

Бодрость и уверенность царят в подполье—сил много, рабочие идут на призыв соц.-дем. организации. Значит можно выступать первого мая.

Еще мало просвещена бакинская полиция в борьбе с крамолой, но о 18-м апреля она знает (1 мая по старому стилю).

Бакинский Соц.-Демократич. Комитет решает назначить демонстрацию в ближайший воскресный день—это удобно для рабочих и полиция будет спать спокойно.

Но вот и 18 апреля. Конная стража разезжает по улицам, полиция зорко поглядывает по сторонам.

Все спокойно—жизнь идет своим обычным порядком. Полиция успокаивается.

Опять без всяких листков, устно, чтобы не стало случайно известно полиции, организаторы соц.-дем. дают знать по районам, что в воскресенье 21 апреля надо собраться на первомайскую демонстрацию в городе. Дают самые точные инструкции, как проводить эту демонстрацию.

Греет южное апрельское солнце.—Тепло, хорошо. Весело искрится море. В разных местах города начинают собираться демонстранты. Биби-Эйбатские рабочие собираются спокойно небольшие шкучками, прогуливаясь, ждут сигнала для объединения. Вот выпускают

красный воздушный шар, ряды смыкаются теснее, появляется красное знамя, раздаются возгласы «Долой самодержавие, да здравствует свобода» и с пением революционных песен группа направляется по улице для соединения с другими демонстрантами.

Какой-то кондуктор с мимо проезжавшей конки выскакивает из вагона, бросается в толпу демонстрантов и начинает обнимать и целовать рабочего—А. В. Шелгунова.

Улицы запружаются народом, прохожие с удивлением смотрят на демонстрантов, а рабочие поют революционные песни.

На парадете и в центре города тоже сборный пункт. Демонстранты городского района прогуливаются, поглядывая друг на друга и мысленно подсчитывают число участников. Вот уж собралось далеко за сотню.

Около армянской церкви, из группы рабочих выделяется один—широкочелый, здоровый рабочий, спокойно внимания из кармана небольшой кусок красной материи и привязывает его к ручке своей палки. Постовой городской с растерянным лицом, полным недоумения, подбегает к знаменосцу и дергает его за рукав; тот, не обращая на малейшего внимания на городского, продолжает укреплять красное знамя. Вот он поднял палку, взвилось красное знамя. Из могучей груди рабочего вырывается мощное:

— «Долой самодержавие!»

В подполье все произносили это слово, читали, слышали, но когда среди белого дня впервые на улице раздался этот призыв, он показался таким необычным, таким ошеломляющим, что даже те, кто шел объединяться под красное знамя и этим лозунгом, вдруг, точно испугавшись чего-то, сразу отхлынули от знаменосца, и он остался стоять только с двумя тремя демонстрантами.

Тогда группа женщин, среди которых было несколько высланных петербургских курсисток и одна местная работница, стали громко звать:

— «Товарищи, присоединяйтесь; товарищи, присоединяйтесь!»

Полиция делала свое дело; но оживленные рдсо; народу на улицах собиралось все больше и больше, с балконов стрела недоумевающая буржуазия.

Учащиеся — гимназистки и гимназисты также частью присоединились к демонстрантам, бежали вместе с ними от полиции, пели революционные песни, кричали: «долой самодержавие!». Это был день необычайного ликования для тех, в ком билось революционно сердце.

Первая перемаяская демонстрация удалась: она подняла боевой дух рабочих. Работа в подполье пошла живей. Но и пришли тяжелые вести. Полиция начала арестовывать членов с.-д. организации. Были задержаны, но скоро выпущены и учащиеся. Среди задержанных гимназисток была сестра активнейшего работника покойного Богдана Клуцкая.

Ее продержали сутки под арестом, учинив основательный допрос. Начальница гимназии тоже подвергла строжайшему допросу и перед всем классом стала срамить юную революционерку. Она обратилась к классу с призывом порвать всякие отношения с молодой социал-демократкой. В довершение всего исключили молодую с.-д. из гимназии.

Эта первая майская демонстрация оставила неизгладимое впечатление в рабочей массе Баку.

В ЁСНЫ

Ив. МОЛЧАНОВ

I

Не в поле гоняющие сосны
Шумят зеленокороуля весной,—
В проливах улиц прожитые весты
Шеренгами возноуют за мной.

Плымут, плымут, как реки в океаны,
Уноет и слова и имена...
И вот она—весенняя поляна,
И первая бурная весна.

Притихли полнокровные знамена,
В потоке закружилась голова...
Не улечи, а лес темнозеленый
Скрявет непривычные слова.

Льет солнце киянок жарчей и хлеще,
Полычка утопает все в огне,
И речью, золотую речью пашет
Оратор на обуглившимся поле..

Мальчонки русокударя голова
Взглянула той весной глазами дня...
В лесной полянке тайная маявка
Родная миру нового мая..

II

Летите, осмелитесь, александра,
Зеленые, несвятые дни,
Стальными, краснорезными полками
Горели в девятнадцатом сии.

Под песни плав слышно шытка рещи с,
Окольные минуты горячи.
В зеленой май железное крещенье
Я с красивыми полками поучаю.

И вот загляла пушечные грозы,
Страна моя в галате из заплат,
В чугуную утробу паровоза
Дрова бросал охапкой дровокал.

Угач и дров. Наш поезд на стоянке.
Угач и дров. Субботников огни.
На дальнем, безымянном полустанке
Явечком украсились дни.

И ветер шестеста в волостях сосен,
И ветру было тоже не до сна,
И лучши из моих весенних вестей
Была моя рабочая весна.

III

Потом... Потом... Куда вы скрылись, весны?
Эй, саушайте! Не уходите прочь!
Ниль нас несенный ветер переносий
Угназ за вечер в бьющуюся ночь.

Ах, нет! Не в ночь, а в дни, что расцветают
Железным анием, бурей фронтис;
Везд не напрасно режет сталью Сталин,
Косесь слега на желтое авто.

Везд не напрасно бардуу походку
Я против желтой твари задержал:
Она она — дородная красота,
Положая всей тущей на моржа,

Она в авто, лорнеткою играя,
С брезгливостью осматривает нас...
Поэтому то вьгача фронтыва
Припомнялась нем лано в этот час.

IV

Пускай, мой парбнлет тому поружой,
Автомобиль желтеется, пускай
На нем, в лорнет глядящая, гаюжа
И оврачит, быть может, первойю.

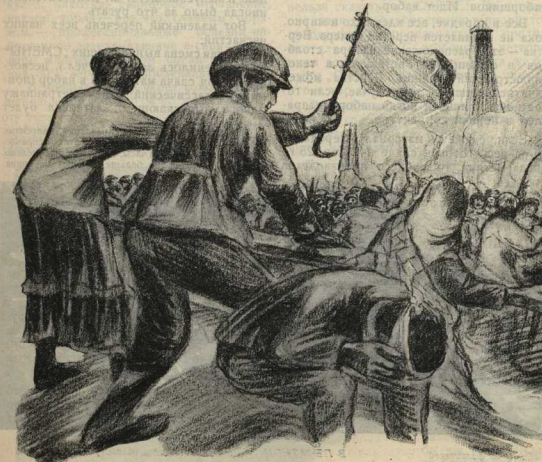
Настанет май, я знаю, он настанет
Весельи, зювний, новый и простой,
Когда гаюжк изповской не станет
На шумной перемаяской мостовой.

Весной виной зальются и зареют
В сиянии зорь советских зран,
И горзи слов о нас они зассет,
И ветры прах от старого развеют,
Но та весна не бует уж мой.

Ошеломление прошло, ряды сплелись вокруг красного знамени и двинулись вперед.

Полиция уже очулась к тому времени; появились городовые, околоточные с револьверами в руках, стали метаться вокруг демонстрантов, разнося и избивая; рабочие пустили в ход свои палки. Раздались выстрелы, но, кажется, больше в воздух; у некоторых были прострелены пальто, кто-то оказался раненым. Как ни препятствовала полиция, а все же удалось соединиться разным демонстрациям. Радость этого соединения была необычайна. Только организаторы знали о таком плане, и когда масса демонстрантов увидела, что отовсюду движутся рабочие, что их много, — ликование было велико.

...Товарищи, присоединяйтесь!

...Лепялись городовые, разнося и избивая демонстрантов; рабочие также пустили в ход свои палки.

ТАМ, ГДЕ ПЕЧАТАЮТ „СМЕНУ“

КОМАНДОМ

Л. ИСКРОВ, рисунки Ф. ЗУБКОВА

За набором «СМЕНИ».

5 «Я „ТРАНСПЕЧАТЬ“. Это что за штука? — недоумевал секретарь редакции.

— Чудак! Это 5-я типография полиграфического объединения НКПС, сокращенно — „Транспечать“, — разъяснял выпускающий. — Там теперь будет печататься „СМЕНА“. Типография помещается у Южного моста, туда и гони мне материал...

— „Транспечать“ у Южного моста — эти слова год тому назад вызвали у редакционных ребят весьма разнообразие и смутные представления. 20 номеров „СМЕНИ“ отделяют нас от „доисторического периода“ первых месяцев существования „СМЕНИ“.

Теперь, когда „Смена“ крепко вросла в жизнь типографии, когда типография и типографские дела стали нашими делами, можно и нужно рассказать читателю, как и где рождается „Смена“ та-

кой, как мы ее видим в клубе, на столе „читалки“ или в книжке продавца.

В несنواتных комнатах редакции „переваривается“ материал очередного номера. Ножицы, клей, красный карандаш властвуют над узкими полосками бумаги, вылезшими из пишущей машинки. И по проволоке телефонного провода бегут сообщения из типографии в редакцию и обратно. Выпускающий принимает распоряжения редакции, отвечает на ее запросы: „Ну, как с номером? „Кончил верстку, получил очередную набор?“ „Что слышно насчет клише?“ Иногда у телефонной трубки в редакции раздаются возмущенные возгласы: „Опять задержка!“ „Запаримся“ с номером“. И в ответ следуют объяснения выпускающего „почему и как“.

А между телефонными беседами вливается курьер, таскающий готовые клише из цинкографии, и отвозящий материал для набора или оттиски для просмотра в редакцию.

Но вот уже узкие полоски в руках наборщиков. Идет набор.

Все в порядке, все идет тихо и мирно, пока не начинается верстка номера. Верстка — это расположение набора столбцов в страницы со вставками в текст иллюстраций — клише. Верстка может начаться лишь в том случае, если готовы все клише, и когда набор выправлен в первой корректуре.

Если, скажем, материал очередного №-ра весь готов к сдаче в набор 25 го числа месяца, то процесс производства

„Смены“ при нормальном его течении представляется в таком виде:

Набор	с 25 по 28
Изготовление клише	25 - 29
а) 1-я сдача клише в типографию	27-го
б) 2-я сдача клише в типографию	29-го
Верстка	с 29 по 2
Авторская правка с сверстанными полосками 1)	3
Приправка в печатных машинах	с 4 по 5
Печать	5 - 9
Брошюровка	8 - 11
Сдача тиража в базу издательства	9 - 13
Раскладка „СМЕНИ“ подписчикам	10 - 15

Примечание. 30-ое, 7-ое, 14-ое — выходные дни.

В итоге на весь процесс производства „СМЕНИ“, начиная с набора и кончая рассылкой подписчикам, при нормальном течении работы необходимо 20 дней.

Повятно, что для регулярного выхода журнала, именно, необходим такой жесткий календарный план. При теперешней перегруженности типографии, недостатках и нехватках в типографском материале, невозможности для подгонки поставить нужное количество наборщиков или предоставить срочно по требованию печатные машины — запоздание на 1—2 дня в одном „звене“ производства влечет за собой запоздание на 1—2 дня (а иногда и более) во всех последующих „звеньях“.

Вот почему трудно наладить регулярный выход „СМЕНИ“.

История выпуска „СМЕНИ“ имела много случаев, когда верстающие „СМЕНИ“ наборщики активно ругали и редакцию и выпускающего. И, действительно, иногда было за что ругать.

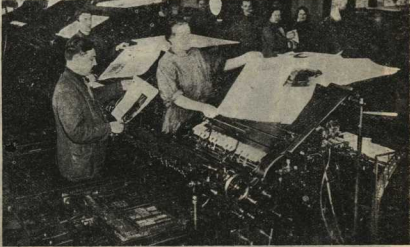
Вот маленький перечень всех наших несчастий:

Частая смена выпускающих „СМЕНИ“ (а их сменилось за год 6 чел.), несвоевременная сдача материала в набор (помнится классический ответ метранпажу одного выпускающего: материал будет

1) Авторская правка — исправления, внесенные автором (редакцией). Выполнение этих исправлений рассчитывается на часы, оплачиваемые отдельно. Чем больше часов, тем больше получает наборщик.

В ПЕРЕПЛЕТНОМ ОТДЕЛЕ: Типографские комсомольцы за фальцовкой «Смены».

В ПЕЧАТНОМ ОТДЕЛЕ: Печатают обложку «Смены».

сдан своевременно или несколько позже), затяжка в верстке («верстальные страсти»), грубая правка, тонка с «кампанейскими» номерами,—все это, при наличии сдельной оплаты, вызывало, подчас, справедливую руготню по адресу редакции с обещанием «продернуть» смеющую редакцию в типографской стеногазете. Помните, частенько приходилось слышать такие «ядовитые» разговоры и вопросы: «Что же это? Номер-то похуhal у них—с 32-х до 24-х стр., а верстаем одно время», или, «СМЕНА» — говорить — журнальчик интересный? Ну, а для нашего кармана он не больно интересен... Одним словом, убыток и возня». «Когда же это мы 100.000 тиража-то вашего дежемся? Авось, тогда подработаем!» Или: «Ну и правочка! Чуть ли не весь набор на верстатку выставлял! Придется «СМЕНЕ» часики приписать».

И «часики» писались.

Одно время часы авторской правки обнаружили такой здоровенный и нездоровый рост, что вопрос об уменьшении числа часов авторской правки пришлось поставить как срочную задачу. В настоящее время период «верстальных страстей» и «правочных мук» отошел уже в область предания.

Теперь порядки больше, и хоть иногда СМЕНЕ⁴ поругивают, но уже по-дружески.

А вот кое-что и о самих производственныхниках.

Из всех профессий типографских самая «завалаая» — наборщицкая. Профессия накладывает свой отпечаток: 8 часов стояния на ногах у реала,¹⁾ вдыхание дель от дня свинцовой пыли, однообразная и напряженная работа, требующая постоянного внимания, при перегрузке типографии и горячке в работе, разрушающие действуют на здоровье рабочего. Туберкулез, чахотка, свинцовое отравление, катарр горла — все это, главным образом, — «профессиональные» болезни наборщицков, захватывающие в свои цепкие лапы многих. Недалом среди наборщицков 80% легочных заболеваний.

В прошлом году через союз удалось отправить на курорты 10 чел.

¹⁾ Реал — шкаф в наборной, в кот ром устанавливаются касы (ящики с отделениями для каждой буквы).

Тискают сверстанные полосы для 2-й корректуры

— Эх, вот фасонно съездили мы в Крым, дад это да,— с оживлением вспоминает один из верстальных «СМЕНЫ».

Прошлым летом нас тула человек 20 поехало в «Дом Печатников». Жили мы в Орланде, рядом с Ливадией, где царил. Кругом красота! Горы, обрывы, море, воздух чистый, чистый... А солнце жарявает во всю!

Здорово пожили там: купались, физкультурили, шлялись на экскурсиях: в Севастополь панораму смотреть, в Симеиз, в горы...

Если обычно выпускаемые типографией брошюры, журналы являются для рабочих только объектом труда, то этого нельзя сказать о «СМЕНЕ». Ее читают, она является одновременно и продуктом типографского производства и предметом для чтения. С особенным нетерпением дожидались рабочие, когда же будут в «СМЕНЕ» напечатаны те снимки, что с нас снимали».

О молодежи же, работающей в типографии, говорить не приходится. Больше всего огорчает в работе, что они еще недостаточно квалифицированы, чтобы работать на «СМЕНЕ». Пока на наборе «СМЕНИ» стоит только один комсомолец.

— Не скоро еще мы, тов. Ломихин, будем выпускать «СМЕНУ» силами комсомольцев? — спрашиваем мы у директора.

— А вот ребята подучатся, квалификацию подтянут, тогда что ж — валяйте. А я с молодежью работаю привык... — отвечает директор.

Я чейка — молоде все, но по количеству не так чтобы уж очень мало, не больше не меньше, как 57 человек.

Сейчас основная работа комсомольской ячейки — учеба. Ни в одною парня или девушку, которые не входили бы в какие-нибудь кружки, не учились бы на рабо их общеобразовательных курсах, или не посещали рабфак.

Связь с партией налажена крепко. Партиядро в комсомоле — 16 чел.

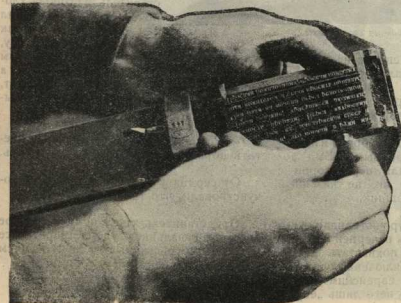
Над детским домом МОНО «Ручеек» типографией взято шефство. В детдоме живут, главным образом, дети рабочих типографии. И при детдоме и при типографии организации 3-го поколения — 2 отряда, 120 чел. шумливой пионерской «братны». Из них 14 уже гордятся своим вступлением в комсомол. Летом 1924 г. типографскими пионерами в с. Красное (по Казанской ж.-д.) организован пионерский отряд из деревенских ребят. К своим подшефным пионеры типографии ездили несколько раз, провели беседы с дерев, пионерами, поставили несколько бесплатных спектаклей для детей, организовали уголок Ленина и читальню. Устроили выставку пионерских работ. Сейчас усиленно готовятся к лагерям.

Редакция поставила своей задачей установление постоянной связи с комсомольской ячейкой типографии, помощь ячейке в постановке полнотриветрботы, помощь кружку юнкоров. «СМЕНА» в типографии имеет не только постоянных читателей, но там выдвигается уже маленькая группа начинающих писать.

Вот так от авторского стола, от юнкорской корявой строчки, через редакцию, набор, цинкографию, машину, через корректоров и, наконец, брошюровочную и переплетную, где шумящие, пахущие свежей краской листы «СМЕНИ» складываются под мерный шелест косточек,—через все ступеньки этой длинной, и подчас крутой лестницы, выползает спрессованный в тугие кипы тираж «СМЕНИ».

Через несколько дней «СМЕНУ» будут читать молодые рабочие в далеких уголках Советского Союза.

И народу вокруг журнала потрудилось немало.

... весь набор на верстатку выставлял...

ОТЧЕ НАШ „ПО ЕВРЕЙСКИ“¹⁾

С. СИБИРЯКОВ, иллюстрации П. АФАНАСЬЕВА

ПРИКАЗАЛО БОЛЬЯНИНОВ²⁾, чтобы после поверки пели „отче наш“ и „спаси господи“, и тюрьма пела. Громко, отчетливо пела. И когда на „еврейской башне“ хотели отговориться, дескать мы, евреи, не знаем русских молитв, последовал нестерпимый возраженный окрик, подкрепленный пербористым матом.

— Рассказывай сказки... мать, распорнать... Жиды лучше православных должны знать молитвы.

И... еврейская башня запела. Первоначально нехотя, но затем с каждым днем лучше и лучше. И, наконец, подобрала такой красивый хор, что нередко надзиратели на постах заслушивались. Да и сам Обольянинов не без гордости замечал своему любимцу Медникову:

— Как тебе, Митенька, нравятся жидки. Ай да жидовская башня. Молодцы! Курьезную штуку выдумала „еврейская башня“. Сидели там в одной круглой камере человек 35—40, все угловатые, малорослые, осужденные к тюрьме и в арестантские роты³⁾ теплые ребята, оторви головы. Резко выделялся один, по кличке „Скиталец“. Скиталец слыл чуть ли не за бывшего еврейского кантора. С первого же дня его прибытия в тюрьму, он организовал хор.

С неподражаемым юмором бывало, еще до прихода Обольянинова, на прогулке, окружив себя „шпаной“, он уморительно, артистически кричался, распевал еврейские песни и молитвы. С большим вниманием слушали хористов даже молдоване и русские, не понимающие смысла песен.

Ловко дирижируя всеми частями на редкость подвижного тела, он вызывал смех на самых строгих лицах. Скиталец устраивал частные концерты. Нередко, распевая на башне свои песни, певцы до того увлекались, что переходили в пляс, и тогда стоило закрыть глаза, чтобы не видеть тюремных стен, и тебе казалось, что ты на еврейской свадьбе. Немного не гармонировал разве звон кандалов.

Так вот, по инициативе Скитальца, на одной из поверок, обратились к Обольянинову:

— Ваше благородие, дозвольте нам петь вечернюю молитву на нашем языке. У нас, у евреев, есть свой „отче наш“. А после нее „спаси господи“ на русском. А то ведь грех, господь нас накажет. За царя мы обязаны петь на русском. А „отче наш“ на русском языке нам даже законом запрещается.

Должно быть Обольянинову понравилась эта идея. У него первого жиды будут петь свою молитву.

— А ну ка, начните, послушаю.

Скиталец не одну тихую религиозию провел со своим хором, прежде чем,

нашиговал всех как следует, и надо отдать ему справедливость, он поставил дело на должную высоту. Велико было наше удивление, когда до нашего слуха во время обычной вечерней молитвы, вдруг донеслась еврейская молитва. Скиталец заливался вдохновенно выше всех, да и прочие голоса не подгадили. Тянули ко всевышнему... такие заклинательские проклятия, какие только может выработать долготелая практика в уголовной терминологии...

Поминали и царя, и царицу, и бога, и мать божью, не забыли помянуть и Обольянинова. Он был окончательно убежден, заворожено красивой мелодией, и когда кончили пробную молитву, разрешил.

— Ладно, пойте „отче наш“ на своем языке. Только смотрите у меня, чтобы красиво и громко.

Уже на следующий день он мог убедиться, что его условие выполняется должным образом. Пели так отчетливо, звучно, что должно было слышно было далеко за тюрьмой. На нас, сидельцев⁴⁾ — политический, понимающих весь курьез достижения Обольянинова, молитва еврейской башни, после поверки, действовала сглаживающим денежную шероховатость образом, вызывала нередкую улыбку.

Приближалась еврейская пасха 1911 г. и, по примеру предыдущих годов, пред-

Он надеялся услышать хороший отзыв, а то в газетах про него пишут, будто он арестантам дыхнуть не даст.

Чтобы эффект был неожиданным, Обольянинов задержался с гостем в коридоре, а помощник⁵⁾ вошел с поверкой. После поверки особенно резко подчеркнутая команда „на молитву!“ и... камера замолчала. Громко, отчетливо, к великому удовольствию Обольянинова, трогательно, торжественно почти. Как себя чувствовал гость... трудно сказать. Можно это представить, лишь потому как, у него быстро менялась краски в лице, Обольянинову казалось, что он так зачарован, что даже говорить не может, или что сердце еврейского гостя застыло в религиозном экстазе при звуках чудной мелодии еврейской молитвы. Как только оборвались последние слова „молитвы“, он поспешил вести в общую камеру гостя и показать самих исполнителей.

— Здрав, молодцы! — Весело по отечески поздравил жару Обольянинов.

— Здрав-жл-вщскриде!

Рявкнула башня, на половину мертвая от страха, криком перешивая заходившую по спинам кололочную дрожь при виде еврейского гостя. Кто он, зашелось в мозгах каждого. Если „сука“ какая-нибудь (т.-е. шпион) Обольянинов, пожалуй, так-еже припешет... что дух вои. Стонит в камере, а то запрет розгами. Рассеял тревогу Обольянинов, обратившись к осоловелому гостю.

— Ну что? Право, молодцы! А сколько стоило трудов их до такого порядка довести. Все я об них беспокоюсь. День и ночь не сплю. Чуть что мои дети того, я их сейчас убагаторю.

И не дав представителю высказаться, величюдно преисполнившись порывом благодарности, сделал сюрприз всей башне.

— За это разрешаю на пасхе по полбутылке вина на брата. Вот представитель из города хлопочет, чтобы я разрешил вам спрашивать праздник по вашему обряду. Ну, что ж, разрешаю. Передайте своим евреям, что у меня здесь не тюрьма, а снагога. Они здесь только отдыхают, да грехи замазывают. Сами, небось, слышали.

— Да, да... — только и нашлось ответить пораженный гость — представитель.

От сердца у всех отлегло, когда почувствовали, что гроза прошла.

Представитель ушел, получив полное согласие начальника удовлетворить все требования, связанные с исполнением праздника по обряду.

Ладно, пойте „отче наш“ на своем языке...

¹⁾ Из воспоминаний о Кишиневской тюрьме.
²⁾ Обольянинов — начальник Кишиневской тюрьмы.

³⁾ Вспоминаний о Кишиневской тюрьме.
⁴⁾ Обольянинов — начальник Кишиневской тюрьмы.

заставлений городского еврейства и родные начальником тюрьмы о разрешении на время праздников евреям пользоваться своей кухней, отдельной кухней и общей камерой, о допущении кантора в тюрьму, разрешении вина для обряда и праздничного свидания с родными. Был допущен в тюрьму, для переговоров с заключенными, чуть ли не казенный раввин, или его помощник.

Обольянинов приурочил свидание его с еврейской башней к вечерней поверке, желая, повидимому, похвастать дисциплинированностью заключенных и поработить гостя красивым еврейским хором, распеваям только у него лишь „еврейскую“ молитву.

Памяти ГАНИ МУРАТБАЕВА

Д. БЕНДУКОВ, снимки М. Брицева

18 апреля 1925 года комсомол хоронил одного из лучших представителей нового революционного Востока — Гани Муратбаева. Молодой революционный боец рано надломил свои силы; был необычных киргизских степей, скоро стал жертвой душного голода. Едва достигнув 22 лет, он был окончательно сломлен туберкулезом.

Гани Муратбаев — родился в бедняцкой киргизской семье (мать прачка) и рано начал свою общественную работу. Бросив учиться, в 1920 г. (17 лет) он едет в Джетису (Семареченская область) на просветительную работу в качестве зам. Заведывающего Областным Отделом Народного Образования и работает на фронте просвещения киргизских трудящихся масс, привлекая на сторону Советской власти передовые слои киргизской интеллигенции. В 1921 году Гани Муратбаев

начинает работать в комсомоле в качестве председателя Кирбюро при ЦК РЛКСМ и редактора газеты молодежи «Жас Алап» («Молодой Киргиз»), где развешивает свои силы, как одаренный массовый организатор и газетный работник. Вспоминается приезд тов. Муратбаева в 1921 г. в

ВВЕРХУ: Справа тов. ЧАПЛИН провозносит пещ на могиле. Слева Гани МУРАТБАЕВ в рубашку. ВНИЗУ: Гроб в сопровождении почтового каравана моряков, членов ЦК РЛКСМ и московских комсомольцев на Тверской ул.

Самарканд, где первым его делом была поездка по области с призывом узбекской молодежи стать под знамя комсомола. В одном из наиболее пораженных басмачеством районе (Уратюбинском) Муратбаев организует из комсомольцев (туземцев) отряд по борьбе с басмачеством.

Несмотря на резкий характер, Гани Муратбаев был очень отзывчивым и чутким товарищем. Внимательное отношение встречал каждый приходящий к нему в Секретариат Цекмола Туркестана. Отзывчивый к нуждам ребят, Гани делился всегда всем, чем мог. Особенно осенью квартира Гани и Муратбаева превращалась в общежитие комсомольцев, приходящих пешком из далеких аулов и кишлаков учиться в Ташкент. Здесь шел в расход не только заработок Гани, но и вся его одежда, вплоть до нижнего белья.

Выделяясь в комсомоле, Гани был одним из тех, кого партия ценяла и стремилась взять на партийную или советскую работу. Ганиа был членом ЦК КПТ, членом президиума Турк. ЦКК, но с комсомольской работы не торопился уходить. На предложения партийцев уйти с комсомольской работы Гани отвечал: «Я еще молодой, поработаю в комсомоле, поучусь, а уж потом видно будет».

Гани Муратбаев был мало известен российскому комсомолу, но зато его хорошо знали и крепко любил не только вся молодежь Туркестана, но и взрослое население, которому он всегда помогал советом и делом.

Память о Гани Муратбаеве долго будет жить в сердцах молодежи кишлаков Туркменистана и Узбекстана.

СТРАНИЦА ЮНКора

КОЛЬКА РАБКОР

г. ШПОЛЯНСКИЙ.

НА СОБРАНИИ комсомольской ячейки среди других вопросов стоял такой:

О выделении рабкора в газету „Молодая Гвардия“.

Кто то крикнул:

— Предлагаю Кольку в рабкор!..

Поднялся шум.

А Колька сидел у стола и краснел.

— Ну и дураки же! Меня в рабкоры хотят. Да разве я умею? — думает Колька.

Секретарь крикунов успокоил:

— Нужно, товарищи, организованно...

Кто за Кольку—подняли руку.

Десятки рук вверх подскокнули.

— Все!.. Все!..

— Нет, не все... Кто против?

— Мало.

Колька—рабкор.

Секретарь Кольке:

— Ну, смотри, правду напиши!

Поднялся Колька. Лицо красное. Чуть не слезы на глазах.

— Товарищи!.. да я...

Слова в горле застревают.

— Я, товарищи... не могу рабкором быть... двух слов не составлю...

Зашумели.

— Брось ты, Колька!.. Садись!..

— Честное слово мое комсомольское... не могу... сминте...

Говорить не дали. Затюкали.

Стал Колька рабкором.

II

КОЛЬКУ в рабкор позвали.

Секретарь:

— Ты что это? Гадости писать начал? Для того тебя рабкором сделали?

— А разве неправда.

— Правда... правда!.. — перерезали секретарь. — Сор из избы не выносят.

Старше был бы — понимал бы... А то... Говорить с тобой не желал больше!..

Повернулся круто и ушел.

А Колька стоял в раздумье.

— Как же это так? То говорят, правду надо писать... а тут?..

Заметка Колькина была такая:

— На нашем заводе происходят непонятные вещи. В дни полочки завком и конторские получают мелочью, а рабочие крупную купюру на 3 4 человека. А на бирже за размер платить приходится. Спрашивается: чем наши хуже ваших.

Рабкор Колька*.

III

МИШКА из котельного цеха подбежал, задыхаясь, к Кольке. Волнуется. Лицо красное.

— Что-ж это за дело, Колька? До каких пор это будет? Жить не дадут байстрой оканые!..

— Да в чем дело?.. Чего так в бутылку лезешь?..

№1 АПРЕЛЬ 1925

ИЗДАНИЕ ГАЗ. „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЦ“

Журнал, издаваемый МК РКСМ по постановлению областного совета юнкоров.

— Да как же... Каждый день одно и то же... Наши, с котельного... с утра, как заведут обо мне разговор, так до шашаба. То женой добирают, а то, так находят что... Мочи моей нету... До тебе пришел... Или в газету напиши... или что.. Сам знаешь...

Колька знает, что у Мишки с котельного в голове клелки одной не хватает. Потому и смеются над ним ребята.

Все-таки жалко Мишку стало. Такой же, как и все, человек.

— Ладно, Мишка!.. Обдумаем как-нибудь.

IV

КОГДА КОЛЬКА пришел утром на завод, он увидел такую картину: в столойной собралась группа молодых ребят. У многих в руках „Молодая Гвардия“. В центре Васька размахивал газетой и кричал:

— Да он, подлец, всех нас исплакал: „Молодые рабочие несознательны. Всегда добирают кого-нибудь“... Это мы-то, значит, несознательны?..

Кольку не заметили. Прислушался.

— А конец заметки... Читали?

— Пора прекратить хулиганские шутки, от которых остается кто-нибудь искалеченным!.. Мы, значит, хулиганы?..

— Валяй, Васька, заявление в ячейку!.. Снять, мол, с Кольки звание рабкора... Потому—недостойн.

Густая краска залила лицо Колькино.

— Товарищи, дайте слово!..

Зашумели. Посторонились. Колька в ссериину протиснулся.

— Ребята, это же все правда!..

Мишку с котельного добирали же парни... И что получилось? Толкнули его под шкив... Чуть руку не оторвало... Хорошо равнением отделился... По вашему как? Писать не надо было?..

Васька высочил.

— А зачем в газете всех пачкаешь? Теперь про нас дурная слава пойдет... Вот возмью, да напишу, что наварал ты все... Вот и будешь знать...

— Эх, товарищи!.. Болячек своих не надо стыдиться!..

— Сам ты болячка поганая!

С этого дня половина парней перестала разговаривать с Колькой.

V

ОБИДНО КОЛЬКЕ. Две недели уже в газете не пишет.

Обидно, что свои же понимать не хотят. Никогда еще неправды в газете не писал. Только о том и думал, чтоб неурядицы наружу выводить.

А тут... На тебе.

Свои же разговаривать не желают.

А писать Кольку, так и тянет. И писать есть о чем.

VI

РАЗВОРАЧИВАЕТ газету Колька.

На передней странице жирными буквами:

„Убийство селькора Малиновского“.

Так и обожгло Кольку.

Прочел, не отрываясь, до конца.

Залудалась...

Слова прочел. Газету отложил.

— Так вот кто такой рабкор есть!.. Жизни своей не пожалел, за правду стоял!.. Все так должно!..

Будто голос другой заговорил в Кольке.

— Ну, а ты-то сам? Ты-то твердо ли стоишь?

Крепче задумался Колька.

— Да... раски я, как-будто. Свои отвернул... А если свои-то не совсем сознательны. Надо еще больше правду указывать... А я-то... баба.

Будто сам себя выругал Колька. Легче стало.

Руками замасленными в кармане пошарил. Нашел огрызок карандаша.

— А бумага?

— Тов. делегат, дай бумаги клочок?..

— Тебе зачем?

— Да заметку написать.

VII

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ в газете было:

„В слесарном цеху нашего завода не изжиты еще старье порядки.“

Мастер почует своих подручных своею собственной рукой. Профорганизатор, загляни-ка на завод с хорошей шеткой!

Рабкор Колька*.

УГОЛОК РАДИОЛЮБИТЕЛЯ

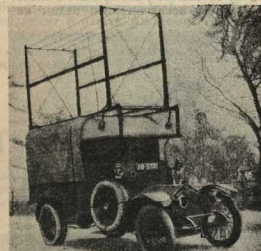
РАДИО-ГАЗЕТА БУДУЩЕГО

РАДИО-ГАЗЕТА БУДУЩЕГО

В АМЕРИКЕ, где радио-техника достигла наиболее широкого развития, в настоящее время мечтают о крайне интересном применении радио — о громкоговорящей газете. Наш рисунок, как раз и представляет из себя одну из таких газет.

По своему устройству она и является чемпионом громкоговоритель с рупорами, которые дают возможность слышать такую газету за несколько километров.

Американцы принялись за это дело серьезно, подробно разработав проект и даже ассигновали деньги на постройку первых радио-газет* в Чикаго. Вероятно, что скоро американцы, а за ними, быть может, и мы, будем не читать, а слушать газету, которая в определенные часы будет выкрикивать свои телеграммы.

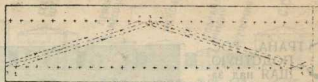

РАДИО-АВТОМОБИЛЬ

РАДИО-АВТОМОБИЛЬ

РАДИО-ПРИЕМНИК на автомобиле — давно известная вещь. Но передающая станция на автомобиле — совсем новое изобретение, которое только недавно было впервые применено в американских полицейских автомобилях. Складывающаяся рама антенны, помещенная на крыше автомобиля, дает возможность этой передвижной радио-станции свободно проезжать под низкими арками мостов.

РАЗВЕРТКА ПОВЕРХНОСТИ ЦИЛИНДРА СОТОВОЙ КАТУШКИ.

РАДИОПРИЕМНИКИ НА ДАЛЬНИЕ РАССТОЯНИЯ

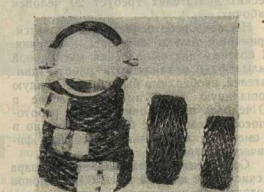
Можно ли самому построить радио-приемник, который дал бы возможность на расстоянии нескольких сот верст слушать Московские радиостанции? Конечно, да. Вопрос только в цене и сложности устройства.

А так как цена — самое трудное и непреодолимое препятствие для радио-любителя, то поэтому мы и делаем с приблизительной сметой на те материалы, которые придется приобрести для постройки самого простого «однолампового усилителя»:

Микро-лампа	1 шт.	7 р. 50 к.
Телефон высокоомный (с 1000—2000 ом)	1	7, 50
Батарея в 45—80 вольт	1	10 —
Батарея в 4 вольта	1	— 60
Конденсатор, емкостью в 500 сан.	1	— 60
Сопоротивление в 100000-ом.	1	1 —
Резистан на 3-ома	1	— 75
Пласти для ножек лампы	4	1 20
Конденсатор, емкостью в 1000 сан.	1	— 60
Конденсатор, перемен. емкостью, в 2000 сан.	1	4 —
Проволока изолированная марки П. Б. О. или П. Ш. О. диаметром без изоляции 0,5 миллиметра	200 гр.	3, 50
		37 р. 25 к.

Если вас не пугает эта цифра, тогда можно смело приступить к постройке приемника. Но прежде чем говорить о соединении отдельных частей в нем, скажем несколько слов об устройстве двух наиболее сложных составных частей его: «сотовой катушки» и «конденсатора».

СОТОВАЯ КАТУШКА

Общий вид сотовой катушки

Для НАМОТКИ сотовой катушки надо взять деревянный цилиндр, толщиную в 5 сант. и длину около 15 сант. На поверхности цилиндра (рис. 1) следует выбить два ряда булавочных или тонких гвоздей, — с каждой стороны по 29 штук.

Намотку вести следующим образом: с первой шляпкой первого ряда переходим на шестнадцатую шляпку второго ряда, откуда опять возвращаемся на первый ряд, но уже на вторую шляпку, с которой переходим во второй ряд на семнадцатую и т. д.

Проволоку для намотки брать изолированную, марки П. Ш. О. (провод шелковая, оранжирная) или П. Б. О. (провод бумажная, оранжевая). Диаметр без изоляции должен быть 0,5 миллиметра.

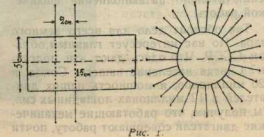

Рис. 1.

Расположение обложки на цилиндре

Чтобы придать катушке большую прочность рекомендуется пропитать ее расплавленным парафином¹⁾, или лаком.

КОНДЕНСАТОР

Из ПАРАФИНОВОЙ бумаги вырежьте пять полосок, длину в 5 сант. и шириною в 3 сант. и четыре полоски из «стандарт»²⁾ диэлектрика.

Сборку надо вести таким образом: на парафиновый листок наложите стандартный так, чтобы один конец его выходил на 4 миллиметра, как показано на рис.

Затем, наложите второй парафиновый листок, а поверх его — опять стандартный, и, так, чтобы конец его выходил в противоположную сторону, чем у первого. Далее снова накладываем парафиновый листок и т. д. до тех пор пока все листочки не будут использованы.

Когда конденсатор собран, с обеих сторон наложите на него картонные пластины, размером 5 сант. длины и 3 сант. ширины.

Для получения контактов выступающие концы стандартных загните в одну сторону и загните в жестяные полоски, предварительно прижав к ним тонкую проволоку. Изготовивший таким образом, конденсатор будет емкостью около 1000 сант. Конденсатор же емкостью в 800 сант. делается точно также, но только из 2 стандартных листочков и 3 парафиновых.

На этом нашу первую беседу кончим. В следующем номере дадим изготовление остальных составных частей нашего приемника.

И. М.—4

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ «ЛИЛИПУТ»

НА НАШЕМ РИСУНКЕ — фотография оригинального громкоговорителя, который был показан на недавней закрывавшейся всемирной радио-выставке. Несмотря на свои крошечные размеры, которые дали ему возможность прекрасно уместиться на ладони руки, он отлично передает звук на расстоянии 2-х метров от себя и поэтому вполне пригоден для обслуживания небольшой семьи.

¹⁾ Парафин можно купить в любом радио-магазине или электро-техническом.

²⁾ Стандарт — вместо него можно взять «серебряную» обертку от чая или шоколада, то же в 3 сант. и шириною в 2 сант.

ЗАКРОМА ЭНЕРГИИ СССР

П. ЛОПАТИН.

СТРАНА. ГОС-ПОДСТВУЮЩАЯ над запасами энергии, будет повелевать миром. Армия, флот, деньги, даже население — все это ничто перед пустыми топливными закромами*.

Эти слова на одном из послевоенных собраний бросил наш давнишний знакомый, лорд Керзон. Мы не привыкли верить этому хитрому дипломату капиталистической Англии, но здесь, вопреки своей обычной привычке, он сказал только правду. Эти слова были продиктованы ему страшным опытом мировой войны, которая под гром орудий многому научила тех, кто стоял близко к управлению сражавшимися народными массами. Лорд Керзон был одним из этих «управляющих», и ему можно поверить.

И действительно, ведь, топливо, или вернее — запасы энергии, — это единственная пища для той громадной армии машин и станков, которые творят во всем почти неизмеримую работу. Допустите на минутку, что наши «топливные закрома» опустели. Представьте, что мы прекратили доставку к нашим заводам и железным дорогам угля, нефти, торфа и дров. Как это отразится на нашей хозяйственной жизни?

Ясно, что она замерет, замрет почти сразу, и никакая сила не в состоянии будет заменить огромную работу механических двигателей. А работа эта действительно огромна.

Общий вид рудника «Ропит» (Донбасс)

Чтобы почувствовать* ее величину, давайте займемся маленьким подсчетом.

Общую мощность двигателей на земном шаре можно считать равной круглой цифре в 600 миллионов лошадиных сил. Что это много или мало? Сколько физических сильных рабочих надо поставить на работу, чтобы выполнить все то, что делают эти машины и двигатели? Это подсчитать не так трудно.

В самом деле: если в среднем мощность, развиваемую человеком, в $\frac{1}{10}$ лошадиной силы и принимаем в расчет двух-сменную работу, мы получим, что каждая «лошадиная сила» в механических двигателях требует 20 человек рабочих.

Но, ведь, работоспособным является, примерно, только половина населения. И поэтому для выполнения мускульной силы людей механической работы двигателей, необходимо было бы на каждую лошадиную силу иметь население в 40 человек при условии, что все работоспособное население будет ежедневно в 2 смены исключительно заниматься физической работой.

Современное население земного шара исчисляется цифрой в 1.600 миллионов человек. Значит, если мы разделим эту цифру на 40, то получим мощность тех двигателей, которых могло бы заменить все работоспособное население земного шара, работающее в две смены.

Результат этого деления будет очень мал: он даст нам только 40 миллионов лошадиных сил, т. е. в 15 раз меньше общей мощности теперешних механических двигателей.

Значит, чтобы выполнить ту работу, которую совершают механические двигатели земного шара, потребовалось бы увеличить все население по меньшей мере в 15 раз при условии, что все рабочее время человечество тратило бы исключительно на выполнение физической работы.

Так обстоит дело для всего земного шара. Но нас интересует главным образом СССР. Что здесь дают эти подсчеты? Считая население нашего Союза в 120 миллионов, и мощность наших двигателей в 12 миллионов лошадиных сил, мы получим, что работающие механические двигатели совершают работу, почти

вчетверо превосходящую работу всего населения.

А отсюда до очевидности ясно, что в нашем хозяйственном возрождении, в нашей экономической и военной мощи и механические двигатели, а значит, и те топливные закрома, из которых они черпают свою силу, имеют громадное значение.

Всем нам и, главным образом, конечно, молодежи следует знать хотя бы

в самых общих чертах, как богат наш Союз этой «пищей» двигателей, на сколько наполнены его топливные закрома, и достаточно ли он силен в этом отношении по сравнению с великими капиталистическими государствами.

Но, прежде всего, нам надо раз навсегда решить, о каких запасах энергии мы будем говорить.

Конечно, прежде всего, о топливе — каменном угле, нефти, торфе, дровах и силе, которая, как мы увидим ниже, имеет не малое значение в нашем хозяйстве.

Но, ведь, кроме топлива наши механические двигатели могут питаться и силой, быстро текущей воды (вспомним что бы наш Волжострой) и силой ветра (наши ветряные мельницы). А поэтому и об этих двух видах энергии стоит заикнуться в нашем маленьком очерке.

УГОЛЬ

НАЧНЕМ С КАМЕННОГО угля. Почему-то обычно у нас принято считать, что мы исключительно бедны ка-

Нитяная вышка на Суражских промыслах (Баку).

Экскаватор на торфоразработках в Москве, губ.

менным углем, что наши запасы угля очень незначительны, и мы до конца дней своих будем в угольной кабале у иностранцев.

Это не совсем верно.

В этом отношении мы стоим на 4 месте, уступая только Соединенным Штатам, Китаю и Канаде.

Более полную картину нам дадут так называемые «душевые запасы угля», т.е. то количество его, которое приходится на «душу» населения.

Для нас эта цифра равна 3.030 тонн в год (тонна—61 пуд), т.е. примерно, как-раз той средней цифре, которая определена для всего земного шара.

Таким образом, в этом отношении мы можем усложнить тех, кто считал нас исключительно бедными углем; мы им не слишком богаты, как, напр., Соед. Штаты, но мы почти также «состоятельны», как Великобритания (в ней на «английскую душу» приходится 3.940 тонн) и гораздо богаче Франции (только 750 тонн на «французскую душу»).

Но если мы обладаем средним «угольным достатком» по количеству находящегося в наших недрах каменного угля, то по качеству его мы стоим выше этой средней величины: наш уголь выше среднего мирового угля, потому что у нас мало скверных «бурых» углей, которые так низко ценятся в современной промышленности.

Но в каких же местах нашего Союза расположены эти «угольные закрома»? Надо отдать справедливость Сибири—в этом отношении она является «госпожей положения»: в ней сосредоточено около 84% наших угольных запасов.

Они лежат, главным образом, в знаменитом Кузнецком каменно-угольном бассейне, который один дает 60% всего русского угля.

Донбасс, который громадное большинство из нас знает и ценит выше Кузнецкого района, дает на самом деле только 15% общесоюзных запасов, а наш Подмосковный—даже меньше 1%. Таким образом, основной угольный резерв Союза лежит в нашей Азиатской России.

Так обстоит дело с углем. Теперь посмотрим, насколько мы богаты другим видом топлива—нефтью.

НЕФТЬ

ТОТ, КТО захватит нефть, захватит власть!—сказал после войны видный политический деятель Франции, Клемансо. Действительно, нефть в современной промышленности имеет исключительное значение.

БЕЛЫЙ УГОЛЬ. Энергия водосбор горных и быстротекущих рек является малоиспользуемым закромом энергии.

Как же с этой «арией мира» обстоит дело у нас в Союзе? Наша нефть составляет 37%, а по другим подсчетам—даже 45% всей мировой нефти.

И этим богатством мы обязаны почти исключительно европейской части СССР, которая дает 87% всех запасов русской нефти, оставляя азиатской части, исключительно богатой углем, только 13% нефти.

Все это говорит за то, что СССР занимает на редкость выгодное положение в мире по запасам нефти. С каждым годом, по мере истощения мировых запасов, положение СССР будет становиться все более и более благоприятным, приведя в конце-концов к нашему полному господству на нефтяном рынке.

Поэтому мы должны всеми силами оберегать наши нефтяные местонахождения, к которым так жадно тянутся руки зарубежных капиталистов.

Ветряные мельницы в Курской губ.

ТОРФ, ДРОВА, СОЛОМА, ВОДА И ВЕТЕР

ТРЕТИЙ топливный закрома, в который нам следует заглянуть, являются наши торфяные болота. Громадной площадью раскинувшись они по необъятным просторам нашего Союза, и если бы мы попытались оценить запасы торфяников СССР, то получили бы, что они могли бы нам дать то же количество энергии, что и 170 миллиардов тонн хорошего каменного угля. Цифра, над которой стоит призадуматься.

Но торф интересен нам не только тем, что мы более чем богаты им*) Он интересен и потому, что непрерывно растет и при том достаточно энергично. Этот прирост торфяников настолько велик, что мы в настоящее время не только не истощаем наших торфяных богатств, но, наоборот, они непрерывно растут.

И этот прирост торфяников вовсе не

Мировые запасы нефти

так уж мало: он вчетверо превышает наибольшую до настоящего времени потребность в топливе нашего СССР.

Если к торфу большинство относится с незаслуженным им невниманием, то роль наших лесов мы, пожалуй, несколько переоцениваем. Стоит только попробовать подсчитать, сколько энергии может дать нам запас древесины в лесах СССР, и мы получим очень скромную сравнительно цифру, которая в 10 раз меньше такой же цифры для торфа.

А отсюда видно, что запасы наших дров**) не могут быть надежной основой наших топливных запасов.

Совершенно неосозданно для многих, значение приобретает солома. Если мы произведем небольшой подсчет, то получим, что ежегодный расход соломы, как топлива, особенно применимый в наших южных безлесных местностях, дает столько же энергии, сколько и 12 миллионов тонн хорошего угля. А если мы вспомним, что эта величина близка к теперешней добыче каменного угля в СССР, то пойдем, что выбрасывать солому из подсчета наших топливных богатств было бы слишком расточительно.

Что же касается энергии воды, то ее запасы по всему Советскому Союзу исчисляются в 62 миллиона лошадиных сил и, несомненно, они будут основой нашего будущего топливного хозяйства.

То же можно сказать и об энергии ветра, которая на всем пространстве СССР может дать нам то же, что и 345 миллионов тонн угля.

Одним словом, нашими основными закромами энергии являются: закрома ископаемого топлива—угля, торфа и нефти, на которые и должно быть обращено все наше внимание. Что же касается до остальных источников энергии, то они являются и являются в будущем лишь дополнением к этой первой группе топливных богатств.

Теперь нам остался только последний подсчет: какое положение занимает наш Советский Союз по своим запасам энергии в мировом масштабе. И этот последний подсчет окажется для нас благоприятным. Оказывается, что, имея 8% мирового населения, СССР обладает запасом энергии в 10^{1/2}% мировых, т.е. наша обеспеченность несколько выше средней мировой обеспеченности.

А это заставляет нас еще с большим вниманием отнестись к изучению и использованию этих закромов. Пока еще, в большинстве случаев, они являются для нас мертвым грузом.

*) Русские запасы торфа равны почти 80% мировых запасов.

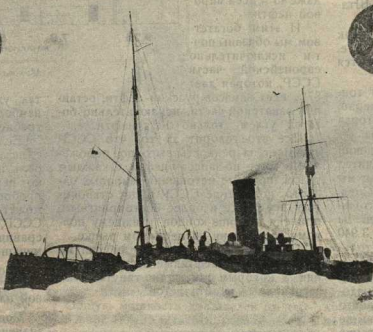
**) Если сказать, они еще составляют 10% миров. запасов древесины.

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

Очерк ДОМИНИКОВСКОГО.

ОСОБАЯ Гидрографическая Экспедиция Северного

Ледовитого океана должна была выйти в плавание 15 июля 1924 г., чтобы на острове Врангеля поднять флаг Союза Советских Социалистических Республик. Попутно с выполнением самой основной задачи водружения советского флага на острове, Экспедиция имела задания и чисто научного характера: производство морской с'емки, наблюдение за льдами, наблюдение отливов и приливов, измерение глубин во время похода, сбор геологических коллекций и т.д.

«КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ», затертый льдами в проливах Лона. В сахлах: нач. экспедиции Павлов (слева) и комиссар экспедиции Домниковский (справа)

Остров Врангеля расположен несколько севернее параллели 71° северной широты. Для того, чтобы совершить такое плавание, как переход от Владивостока до острова Врангеля и обратно, имея в виду, что в Ледовитом океане придется встретить северные льды, потребовался специальный корабль ледокольного типа. Эта задача выпала на долю канонерской лодки «Красный Октябрь», бывший ледокол «Надежный», достаточно приспособленную к дальнему плаванию во льдах.

Личный состав всей Экспедиции состоял из 81 человека, из них: 19 человек комсостава и 62 — команды.

20-го июля Экспедиция вышла в плавание; пройдя Японское и Охотское моря, на шестые сутки пришли в Авачинскую губу, зашли в ковш Петропавловской гавани, ошвартовались к пристани. На утро приступили к погрузке угля и приеме пресной воды. Благодаря помощи в погрузке угля Петропавловских комсомольцев, в течение одного дня было погружено в угольные ямы корабля 240 тонн угля.

29 июля с рассветом мы вышли в море. 7-го августа доприняли из водопада пресную воду, пополнив запас до 600 тонн. С рассветом 9-го августа, уничтожив девиацию, оставили залив Провидения.

10-го августа мы уже проходили Берингов пролив. После выхода в Ледовитый океан мы шли под тремя котлами, полным ходом. По пути к острову Врангеля мы производили остановки, сделали шесть глубоководных наблюдений. 12-го августа в 13 часов после поворота к острову Врангеля встретили мелко-битый лед, который очень быстро сгущался и мешал продвигаться вперед. Проработав 5 часов средним ходом, удалось продвигаться всего лишь не более, чем на семь миль. Лед был настолько сжат, что, несмотря на всяческие попытки проб-

ваться вперед, мы не достигли успеха. За последние три часа мы прошли не более, чем 11 миль. Сжатие льда происходило, повидимому, благодаря действиям северных сильных ветров. Когда стало ясно, что дальше продвигаться невозможно, мы решили попытаться выйти

с разбега, 19 августа мы стали подходить к северной части конечности острова, к мысу Уэринга.

Сам остров не так велик, он всего каких-либо 80 морских миль¹⁾ в длину и от 30—35 в ширину. Остров горист. Есть возвышенности, которые достигают до 2500 фт. над уровнем моря. Знаменит он своими природными богатствами: пушиным и морским зверем. По собранным горным породам, остров состоит из гранитов и сланцев. На берегу острова в летнее время пасутся большие стада гусей, а на льдинах, плавающих с южной стороны острова, виднеются большие лежбища моржей. Зимой к острову вместе со льдами прихлывают большие медведи и песцы. На острове имеется олений мох, дающий возможность разводить оленей.

Карта плавания экспедиции на о. Врангеля

¹⁾ Морская миля — 3 версты.

Вид о. Врангеля с западной стороны.

В гавани Роджерса мы отдали якорь. На шлюпку была отправлена на берег партия военморов с тем, чтобы произвести обследование, узнать, кто живет в видневшейся на берегу избе и что представляет из себя одинокая мачта на обрыве берега.

Вернувшиеся военморы сообщили, что изба построена из плавника; жильцов в ней не оказалось, но признаки в том, что кто-то не так давно здесь был, обнаружены: в избе находилось немного продовольствия, добытая пушнина и еще кое-какие предметы промышленного имущества. На самом краю берегового обрыва высилась мачта с небольшим рейком без всяких признаков флага и фалов. Здесь же в бухте Роджерса, вблизи того места, где стояла мачта, сооружена канадцами, нами был водружен флаг СССР, склепанный из листов цинкового железа, окрашенный в красный цвет с вырубленными буквами в теле флага СССР. Флаг надет на массивный железный прут, вделанный в верхнюю часть мачты, которая представляет из себя здоровое бревно. Мачта, сооруженная канадцами, на которой, по видимому, развевался канадский флаг, что видно из дневника иностранца, была срублена, и оставшейся части ее мы прибили доску с надписью даты пребывания Гидрографической Экспедиции и лозунгами на английском и русском языках: «Пролетарии всех, соединяйтесь!»

20 августа в 10 часов утра с определенным церемониалом был поднят советский флаг, который и остался на долгие годы развеваться на далеком, безлюдном Севере.

Экспедиция всего на острове пробыла 5 суток. За это время мы успели разыскать живущих здесь эскимосов, произвести промер гавани Роджерса, астрономические наблюдения и погрузить на борт корабля реквизированную пушнину,

промысловые приспособления и всех эскимосов во главе с американцем Уэльсом; последние были приняты на корабль по их собственному желанию. Им оставаться на острове было рискованно из-за недостатка пищи. Спрашивается, откуда появились эскимосы на острове Врангеля

что это были хищники, высаженные в 1923 году на остров канадской фирмой Стефенсона. Во главе их находился американец Чарльз Уэльс. Он не предъявлял никаких документов на право эксплуатации острова и ответил, что Стефенсон утверждал его, что остров принадлежит канадскому правительству. К напуганным эскимосам мы отнеслись хорошо. Их всех зачислили в военморский паек, поселить часть в палатках на верхней палубе, а часть в кают-компани корабля. Эскимосы убедились, что большевики не так уж страшны, как им говорили канадцы. Из слов американца Чарльза Уэльса выяснили, что он занимался на острове промыслом пушного зверя. У него обнаружился среди соб-

Шкуры белых медведей

и какая цель была их проживания там. Обитатели острова встретили нас сличком недружелюбно; струсили и думали, что попали в руки к большевикам, которые их сейчас же растерзают. С напуганными эскимосами трудно было вести разговор, но все же удалось выяснить,

стивенных вещей два флага—один американский и второй канадский. Уэльс также имел на руках довольно удачный подбор коллекций горных пород, вел запись метеорологических наблюдений, в дневник.

Хищники же охотились и на морского зверя—моржа, которого очень много о острова, но здесь они относились к кораблю совсем по-хищнически: из-за одной пары моржовых клыков уничтожили целую тушу крупного зверя весом до 100 пудов.

Между тем, ценностью моржа является не только его клык, но и жир, и шкура. Хищники же добывали исключительно клык, коих оказалось у них до 250 штук. Среди конфискованных вещей имелось: 40 выделанных шкур белого медведя, 157 шкур белых песцов, несколько шкур морского зверя и 300 штук капканов и т. д.

Из этого ясно видно, что экспедиция Стефенсона поселилась на острове только под предлогом преследования научных целей, а на самом же деле все пользовались удобным случаем для грабежа. Это уже вторая попытка Стефенсона ловить зверя в мутной воде, но, как видите, она не увенчалась успехом и не принесла ему ничего, кроме убытка. Одна лишь могила канадца Найта, умершего от цинги в 1922 г., осталась памятью пребывания на острове Врангеля Экспедиции Стефенсона.

Гидрографическая Экспедиция выполнила самую основную часть своей задачи. Оставалось только лишь благополучно добраться во Владивосток. Обратный путь Экспедиции был очень трудным. Преодолевая целый ряд трудностей, в борьбе со льдами и холодом, при недостатке угля—29 октября Гидроэкспедиция все же, благополучно выполнив свои задания, вернулась в порт Владивосток.

Первый человек, роившийся на о. Врангеля

Члены экспедиции осматривают остров

О ФУТБОЛЕ

В ГРОМОВ

НАСТУПИЛА весна и вместе с ней начался горячие „футбольные“ разговоры.

Одни утверждают, что футбол нам не нужен, что это вредная игра, другая, и их целая армия — что выше футбола вообще нет игры, что футбол наилучшее физическое упражнение.

Говорят, что футбол грубая, некорректная игра. Примером служат те факты, когда футболист начинает играть не с мячом, а с игроком.

Потерявший хладнокровие: игрок бьет вместо мяча по противнику.

Совершенно справедливо. В таком случае — футбол — наивреднейшая игра. Но, все-таки грубость не может быть главным мотивом против футбола. Все дело не в игре, а в игроках. Из любой игры, зотя бы кошки и мышки, можно сделать сплошное побоище. Так что, как

видно, первый аргумент отпадает. При наличии дисциплинированности игроков можно всегда успешно бороться с грубостью.

Но вот, насчет второго заявления можно поговорить. Наши футболисты

почти все необычайно односторонни, и в своем узеньком окошечке только и видят свет, что футбольный. В своей массе футболист „признает“ лишь футбол. Остальные виды спорта: „неинтересны, скучны, детские“ и т. д. Вот этот консерватизм мы должны изжить, и целиком. Футбол исты, в большей своей части, развиты относительно. Если футбол служит хорошим упражнением для ног, то он ничего не дает верхнему корпусу.

В этом отношении Московский Совет физической культуры в прошлом году организовал т наз. слачу норм для футболистов, куда входили номера легкой атлетики: бег на 100 и 1500 метров, прыжки в длину и высоту с разбега, толкание ядра и метание диска. Вот эти-то нормы и показали, как узок футбол, имеющий представление лишь о том, чтобы „гонять волдырь“.

Футбол, как коллективная игра, развивающая чувство товарищества, должен культивироваться в СССР при условии, что игроки будут втянуты в другие виды физупражнений и спорта.

В прошлом номере журнала мы писали, какое огромное агитационное средство представляет из себя футбол, чему примером служит поездка турецкой команды в СССР. Это агитационное сред-

Тренировка вожжипера.

ство должно быть всемерно использовано и у нас в стране. Через „всеулавляющий“ футбол мы должны втягивать массу в физическую культуру.

Футбол — прекрасный агитатор и вербовщик новых сил. Этого не должны забывать противники, совершенно отрицающие его. Следует лишь наиболее разумно использовать привлеченный материал, сумев доказать ему отрицательные стороны односторонности и положительные результаты разносторонней работы.

Грубость мы должны пресекать мерами: удаления с поля, дисквалификации на определенное число... и сезов, штрафов, а также беседами членов дисциплинарной комиссии с провинившимися.

Нынешний футбольный сезон представляется в самом заманчивом виде. Наши сборные команды едут за границу (в Турцию, Финляндию), к нам приезжают зарубежные гости: великобританский рабочий союз молодежи, команды Китая, Японии и т. д.

Класс наших футболистов стоит необычайно высоко. Этому доказательством служат победы над английской командой, командой Турции, поездка и победы над шведами, норвежцами и т. д.

Не даром немцы удивляются: „Как это русские могут вообще играть, а тем более выигрывать, после ряда лет питания картофельной шелухой“.

В настоящее время сезон повсеместно уже начался.

Первым дали пример — ташкентцы, „разгряввающие мяч“ уже более месяца.

Говорить о кандидатах на первенство, конечно, трудно. Все команды еще плохо тренированы и не совсем уверены в игре.

Повсеместно наблюдается огромный наплыв футболистов в клубы, имеющие подчас до 10 команд.

В этом отношении что-то надо предпринять, чтобы разгрузить организации.

Хорошо и удачно проведенные соревнования по районным площадкам в других видах спорта могут с успехом облегчить эту работу.

Показательная футбольная команда МФК: командой выиграно осеннее первенство по футболу в 1924 г.

ВОДА и ЗДОРОВЬЕ

В. ДОВОБРОВСКИЙ и И. ЯБЛОНОВСКИЙ, снимки Ф. ЗУБКОВА

ЕЩЕ НЕ ТАК ДАВНО физическая культура была делом очень небольшой части рабочей молодежи. По мере того, как молодежь начинает убеждаться в безусловной ее пользе, она начинает завоевывать большую часть трудового молодика. Физкультура начинает занимать должное место в общем культурном строительстве не только, как способ оздоровления, но и как способ воспитания, развития дисциплины, воли, смелости, уверенности, настойчивости. Прошедшая зима, из-за отсутствия снега, физкультурникам не дала возможности развернуть работу. Занятия в помещении, зачастую непригодном для физупражнений, нулево рассматривать, как вынужденный худший способ раб ты.

Наступила весна, несалое до лета. Все живое впитывает в воздух к солнышку, но солнечный луч обгорает, оживляет все существо, способствует его росту, участвует его развитию.

Перед физкультурой раздвигаются возможности. Душно, пыльно помещение не стесняет, можно сбросить лишнюю стесняющую одежку, выйти на воле, потренироваться на солнышке, погулять, проделать упражнения. Но прежде, чем говорить о том, по какому руслу нужно направить те возможности, которые стоят перед рабочей молодежью в области физической культуры, нужно создать себе ясное представление, хотя бы в самом виде, о самой сущности физкультуры.

Часть молодежи занимается физкультурой, большая часть еще не занимается, но слышала о ней. Но слышать о ней и даже заниматься—это еще не значит понимать. Бывает, что спросишь парня:

«Занимается физкультурой?»

«О, на! Я играю в футбол» или «занимаюсь тяжелой атлетикой», а девушка говорит: «занимаюсь пластикой у себя в клубе». Непонятно, если не сказать, неверное понятие. Физическое упражнение, особенно, если оно проводится без oversight инструктора, еще не есть физическая культура, а есть только часть ее.

Что же такое физическая культура? Советская физкультура включает в себя следующие важнейшие моменты:

- 1) необходимость содержания тела в чистоте;
- 2) умение экономно работать и разумно чередовать работу с отдыхом (особенно острый вопрос в связи с перегрузкой мозжками);
- 3) пользование водой, воздухом, солнцем при всяком возможном случае.

Группа физкультурников на Москва-реке

4) занятия физкультурниками, которые при всех упомянутых условиях укрепляют и развивают организм, повышают сопротивляемость болезням, переутомлению и увеличивают действительные и защитительные силы часовой и

5) вовлечение рабочей молодежи в кружки физкультуры. Вот что говорит Наркомздрав Н. А. Семашко о физкультуре, «физическая культура»—говорит он,—означает не только и далеко не только физупражнения; физкультурно-образовательный, если можно так выразиться, человек должен проводить это принцип ежедневного оздоровления. Вот почему правы наши лозунг «физическая культура продолжается 24 часа».

Как видно, упражнение—это еще не все. Если ты играя и не помнясь после этого, то от игры пользы мало. Если ты занимаешься гимнастикой в помещении, недостаточно проветриваемом, то есть ты дышишь испорченным отработанным воздухом, то эти упражнения навряд ли тебе принесут пользу. Бывает, что некоторые кружки физкультуры начинают свои занятия только в 10 часов вечера, т.е. в то время, когда организм, особенно молодой, устал за день; он требует отдыха, сна, чтобы полностью восстановить свои силы к следующему трудовому дню. Конечно, от таких занятий толку мало. В общем, сейчас, весной, проведение физической культуры должно выразиться в разумном сочетании пользования силами природы (водой, воздухом, солнцем) и занятии физическими упражнениями.

Для того, чтобы эти мероприятия воплотить в жизнь, мы расскажем о том влиянии, которое оказывает пользование естественными силами природы на человеческий организм. Далее, мы изложим ряд физупражнений, которые всякий сможет выполнять себе на дому в течение нескольких минут. Мы не будем касаться того, что может зачисляться получить в физкультурном кружке, считая, что занятия в кружке 2 раза в неделю не достаточны, и что личный режим, физкультура в личном быту, является необходимым дополнением к коллективным занятиям в кружке.

ВОДА и КАК ЕЮ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ

КОЖА, ПОКРЫВАЮЩАЯ ТЕЛО, выполняет очень важную роль в жизни и здоровой работе. Она открывает важные внутренние органы от толчков, ударов, резких изменений тепла и холода, от проникновения грязи и разных болезней. Увеличивает и уменьшает отдачу тепла, кожа способствует равномерности температуры тела. Наконец, кожа выделяет накопившиеся внутри организма вредные вещества, которые при задержке их в организме, могут вести к тяжелым болезненным последствиям. Из сказанного видно, что кожа для того, чтобы хорошо выполнять свои важные обязанности, прежде всего должна быть чистой и здоровой, а затем она должна быть закаленной, чтобы резкие изменения тепла и холода не влияли бы отрицательно на здоровье.

Итак, можно определенно сказать, что и в случае физкультуры не может быть без применения воды. А для того, чтобы наладить это дело, надо подходить к нему постепенно и осторожно, как сразу, себя не закалывая. Надо свое тело с лета правильно пользоваться водой. Практически, на деле, применять пользование водоемом следует таким образом: встать утром, снять рубашку, сделав несколько движений, о которых будет сказано в следующем номере, потом обтереть мокрой полотеником или чистой мокрой тряпкой, и

затем вытрись насухо. У многих сейчас же возникнет сомнение: как же это, в стесненной квартирными обстоятельствами, можно это сделать. Если захочешь, сможешь. Снять рубашку можешь и перед другим. Пора бросить ложный стыд, привычки к этому и привычай своих близких. Когда привыкаешь к обтиранию, лишняя одежда не нужна. Можешь пользоваться одной миской воды, лучше если пойдешь под кран. Загрязни ладонной водой облей одну руку, другую, потом—груду, затылок, спину и т. д.

После того, как сделаешь несколько движений, оботришь сомнение: ты сразу почувствуешь бодрость и свежесть. Желательно, чтобы во время движений и обмывания была бы открыта форточка, или даже все окно, если теплая погода. Если ты имеешь возможность, помысь также и вечером, в свежий очищения тела после дневной работы. Когда привыкаешь к обтиранию, периоды к купанию. Купайся непрерывно целое лето, этим себе закалывай и привычай к обмыванию осекою зимой. Хорошо, если к купанию прибавишь плавание. Плавание—лучшее естественное упражнение, во время которого действует все тело. Это упражнение учащает движение крови по телу и, с другой стороны, движением регулирует тепло и холод. Наконец, дыхание ускоряется и становится глубоким. Регулярно через каждые 7—10 дней обмывайся теплой водой с мылом в ванне. Теплая вода лучше обмывает выделяемая тела.

Сказанным выше, конечно, исчерпать всего нельзя, мы только поверхностно коснулись этого вопроса. Но это следует упомянуть некоторые замечания, которые нужно запомнить: 1) ежедневно оттирай свое тело водой, 2) привычь не бояться холодной воды: она укрепляет кожу, кровяные сосуды и нервы, 3) еще лето купайся, 4) умей плавать, если не умеешь, можешь научиться в школе, плавания бесслезно (в Москве МПС имеет школы, в которых каждый желающий профсоюзом может обучаться плаванию), 5) пользуйся водой в меру и экономно, давай в воде не силы, при обтирании, особенно же на ночь; колени, кисти, ладони, сделав несколько движений, чтобы согреться, 6) во время болевая сделай перерыв, 7) не избегай разумного совета, в сомнительных случаях, спрашивай указаний врача или опытного инструктора физкультуры и 8) если ты указание выше делал, покуда ты своего товарища делай так, твоему примеру.

ОБИРАНИЕ и РАСТИРАНИЕ ТЕЛА: После душа или обмывания холодной водой необходимо вытереть тело досуха, а затем слегка растереть грубо, спину и конечности, до покраснения кожи.

Холодный душ, обливание холодной водой или обтирание мокрой полотеником должно стать привычкой.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-БЮТОВОЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

СМЕНА

ОРГАН

Центрального и Московского Комитета РЛКСМ

**„СМЕНА“ — лучший товарищ
и помощник в работе, учебе и
строительстве нового быта**

При коллективной подписке на 6, 9 и 12 мес. комсомольским организациям устанавливаются расценки вписов подписной платы и делется 20% скидка, которая раскладывается на все сроки вписов.

Подписчикам комсомольских газет: „Молодой Ленинск“ (орган МК РЛКСМ), „На Смену“ (орган Уралбюро ЦК РЛКСМ), „Молодой Ленинск“ (орган ЦК ЛКСМУ), „Молодой Шахтер“ (орган Донецкого Губкома ЛКСМУ) и „Молодой Рать“ (орган Нижегородского Губкома ЛКСМ) и которым „Смена“ является приложением, предоставляется 15% скидки.

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ:

На 12 мес. — 24 №№.....	5 р. 60 к.
6 — 12 „.....	2 „ 95
3 — 6 „.....	1 „ 55
1 — 2 „.....	60

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ в отдел периодических изданий издательства „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“, Москва, Новая площадь д. 6/7.

**ЧИТАЙ „СМЕНУ“!
ПОДПИСЫВАЙСЯ НА „СМЕНУ“!
РАСПОСТРАНЯЙ „СМЕНУ“!**

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИН**
МОСКВА, Красная площадь.

ВСЕ ДЛЯ СПОРТА!

БОЛЬШОЙ ВЫБОР ИНВЕНТАРЯ
ПО ВСЕМ ВИДАМ СПОРТА.
Легкая и тяжелая атлетика, футбол,
баскетбол, ватлет, теннис.
ВЕЛОСИПЕДЫ лучшей конструкции.

ВСЕ ДЛЯ МУЗЫКИ!

Большой выбор зарубежных
МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ
и принадлежностей к ним.
ВСЕ ДЛЯ ПИОНЕРОВ — барабаны, горны.

ВСЕ ДЛЯ ОХОТНИКА!

ИМЕЮТСЯ РУЖЬЯ РАЗНЫХ ФАБРИК
и ОХОТНИЧЬЕ СНАРЯЖЕНИЕ.
В виду увеличения оборотов и
уменьшения накладных расходов
ЦЕНЫ ЗНАЧИТЕЛЬНО Понижены.

Каждый хозяйственный, администратор, заведующий, начальник, помни твой долг перед больными рабочими и служащими, безработными и инвалидами. Аккуратно и в срок уплачивай страховые взносы в ГУБСОЦСТРАХ (Неглинный, д. 25) и его филиалы:

1. Арбатский — Арбатская пл., отделение Горбанна	4. Ильинский — Ильинна д. 12, отделение Горбанна
2. Красно-Пресненский — 5-я Тверская-Ямская, 3.	5. Спартаковский — Гавринова пл., д. 15.
3. Сухаревский — уг. Сухаревской пл. и Сретенки.	6. Таганский — Таганская площ.

Неаккуратная уплата страховых взносов может вызвать перебои в работе страховых касс и неблагоприятно отразиться на благополучии и здоровье рабочих.

Неаккуратная уплата страховых взносов влечет за собой наложение пени и взыскания в беспорядочно-принудительном порядке, опись и продажу с торгов товаров и имущества.

Неуплата взносов в установленные сроки повлечет за собой передачу дела в суд, где, помимо наложения штрафа, ты обязан будешь покрыть все судебные издержки, что ляжет большим бременем на предприятие или учреждения, во главе которого ты стоишь.

Дай наказ твоему бухгалтеру или заведующему финансовым отделом, чтобы он своевременно напомнил о сроках платежа страховых взносов, ибо уголовную ответственность за задержку уплаты взносов несешь ты, как ответственный руководитель, а не подчиненный технический персонал.

Помни установленные сроки платежей:

1. За домашнюю прислугу — с 20-го по 30-е число того месяца, за который выплачен заработок.
2. За служащих жилищных товариществ и домоуправлений — с 1-го по 8-е число следующего за выплатой заработка месяца.
3. За служащих хозрасчетных предприятий и учреждений, а также частных лиц, кооперативных, общественных и государственных учреждений. — с 9-го по 12-е число следующего за выплатой заработка месяца.
4. Госбюджетные предприятия и учреждения, а также учреждения состоящие на местном бюджете уплачивают в течение трех дней по открытии кредитов на зарплату.

Московский Губернский Комитет Социального Страхования.